

*Кафедра славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова*

*Центр междисциплинарных исследований
славянской книжности Института славяноведения
Российской академии наук*

Славия: история, культура, язык

**VIII Студенческая научно-практическая конференция с
международным участием**

в рамках Дней славянской письменности и культуры

12 мая 2026 г.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель Научно-образовательного центра славистических исследований

Белоусова В.В. - к.ф.н., доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Организационный комитет:

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Иванова И.Е.

Осипова О.А.

Шапкина О.Н.

Модераторы конференции:

Бабоша И.А.

Белоусова В.В.

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Запольская Н.Н.

Иванова И.Е.

Обижаева М.Г.

Осипова О.А.

Славия: история, культура, язык. Сб. материалов VIII студенческой научно-практической конференции с международным участием (12 мая 2026 г., Москва) / Науч. ред.: В.В. Белоусова, Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Отв. ред. и сост.: О.А. Осипова. М.: Институт славяноведения РАН, 2026. 54 с.

Сборник содержит материалы VIII студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», состоявшейся 12 мая 2026 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Анисимов Алексей , Osobnost a projekt: Mojmir Krauter a československá geologie v Mongolsku (1960–1980)	4
Борисова Екатерина , Образ святого Вячеслава в сентябрьской минее XI в.....	5
Васильева Евгения , Чешско-Словацкая делегация на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.).....	6
Дегтярёв Денис , Idea slovanské jednoty v tvorbě J.Kollára a P.J. Šafaříka.....	8
Злобина Дарья , «Польский вопрос» во взглядах власти и общества Российской империи накануне Январского восстания 1863 г.	10
Липай Владислав , Moskwa i polscy studenci we wspomnieniach Tadeusza Korzона.....	12
Меркушина Татьяна , Nie tylko polityka: kwestia polska przy biurku roboczym paryskiej konferencji pokojowej.....	13
Оганов Александр , Западная Чехия в преддверии Гуситских войн.....	16
Сварещук Александра , Фразеологические единицы в рассказах К. Чапека и способы их передачи в русских переводах.....	22
Терина Ирина , Способы перевода неологизмов с префиксом bez- в поэзии Б. Лесьмяна....	24
Хорошаева Арина , Провокация в творчестве Давида Черни.....	25

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Акритова Ольга , Отражение культурного концепта размеренной жизни в сербском языке.	28
Корниясев Алексей , Российская «мягкая сила» в Республике Сербской в условиях геополитических перемен (2014 – 2025 гг.).....	30
Кочеткова Анна , Реабилитируя визуальное: отношения текст—изображение и punctum в сербском сюрреализме 1930-х в контексте генеративного ИИ.....	31
Михайлов Александр , Литературно-научное общество «Матица хорватская» как руководитель протестного движения «Хорватская весна»	33
Мищаненко Дмитрий , Италијанско-словеначки односи 1991–1995.....	35
Нигамедзянов Артём , Афера «Михайляну» от 1900 г. и политического ѝ значение.....	36
Пакулов Виталий , Јеванђеље кратки апракос српске редакције из друге половине XIV века (РНБ, F.п.I.108). Глаголски облици прошлих времена.....	41
Стекачёв Артём , Русија и југословенско питање током Првог светског рата (1914–1917): између савезничких обавеза и словенске солидарности.....	43
Страхов Анатолий , Российско-сербское стратегическое партнерство как фактор сохранения военного нейтралитета и национальной идентичности Сербии.....	45
Суркова Ника , Православна црква у Хрватско-славонској Војној Крајини током «деклараторијалног» раздобља (1779.-1868.).....	46
Цветковска Ангелина , Многообразие сербского национального костюма.....	48
Шешум Андреа , О именицама са суфиксоидима -граф, -грам и -оном у српском језику...	49
Шильниковская Полина , Политическата коректност като социално, културно и езиково явление: особености на изразяване в българския език.....	51

СЕКЦИЯ “ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ”

Анисимов Алексей

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

anisimovaa@my.msu.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.01

Osobnost a projekt: Mojmír Krauter a československá geologie v Mongolsku (1960–1980)

V příspěvku je analyzována československo-mongolská spolupráce v oblasti geologie a hornictví v 60. až 80. letech 20. století. Oficiální rétorika té doby tyto procesy charakterizovala jako bezúplatnou „bratrskou pomoc“ mongolskému lidu. Aplikace konceptu „asymetrické vzájemné závislosti“ však umožňuje tento narativ dekonstruovat a odhalit komplexní ekonomické a politické motivy obou stran.

Klíčovou postavou tohoto procesu byl inženýr Mojmír Krauter, vedoucí první československo-mongolské geologické expedice v roce 1963 a dvojnásobný nositel nejvyššího mongolského řádu Polární hvězdy [Монгол-Чехийн..., 2015, 212–216]. O zahájení prací československých geologů v Mongolské lidové republice informoval ve zvláštní publikaci z roku 1963 [Krauter, 1963: 318].

Právě Krauterovy terénní nálezy, zejména objev ložiska mědi a molybdenu Erdenet, které se stalo největším v Asii, položily surovinovou základnu mongolské ekonomiky. Osobní iniciativa a expertní kalkulace Krautera umožnily nejen zmapovat desítky tisíc kilometrů čtverečních v různých regionech Mongolska, ale také zavést komplexní průzkumné metody a moderní technologie výpočtu zásob.

Na základě zpráv M. Krautera a jeho vystoupení v materiálech projektu českého Ministerstva průmyslu a obchodu [Modelová země Mongolsko, 2016: 92–96], ve srovnání s dokumenty Ruského státního archivu ekonomiky (РГАЭ, f. 561, op. 28) a mongolskými prameny [Монгол-Чехийн..., 2015, 221–230], příspěvek ukazuje, jak se československá strana pokoušela optimalizovat ekonomickou spolupráci s MoLR v oblasti geologie a minimalizovat náklady v kontextu rozvoje a využívání mongolských ložisek. Vznik společného podniku «Mongolčeskoslovakmetal» v roce 1980 se stal vrcholem kooperace [Pokorný, 2016, 92–95]. Krauterovy kalkulace však odhalily skryté ekonomické rozpory se SSSR, který v regionu dominoval. Dvacet let po zahájení spolupráce Krauter zhodnotil její výsledky ve zvláštním článku [Krauter, 1983: 176–177], kde zaznamenal úspěchy i nevyřešené problémy.

Udržitelnost projektu nebyla zajištěna pouze technologickým transferem, ale také systematickou přípravou mongolských kádrů. Počínaje přijetím prvních mongolských studentů na geologickou fakultu Univerzity Karlovy v Praze v roce 1953 se spolupráce vyvíjela od jednorázových expedic k vytvoření plnohodnotné geologické služby MoLR [Modelová země Mongolsko, 2016: 93]. Figura M. Krautera ukazuje, jak individuální expertní činnost a terénní objevy formovaly

specifiku kooperace malých socialistických zemí a přesahovaly rámec formálních direktiv mezistátních dohod.

Список литературы:

1. Krauter M. K zahájení prací československých geologů v Mongolské lidové republice. Geologický průzkum, 1963, roč. 5, č. 10. s. 318
2. Krauter M. Dvacet let spolupráce ČSSR a Mongolska v oblasti geologie. Geologický průzkum, 1983, roč. 25, č. 6. s. 176–177
3. Modelová země Mongolsko: Zajištění a analýza vstupních dat. Příloha č. 4 k metodice pro stanovování charakteristik nerostného bohatství vybraných zemí. Praha: Ministerstvo průmyslu a obchodu České republiky, Technologická agentura České republiky, 2016, 320 s.
4. Pokorný M. Normalizace s nomády: Československo-mongolské politické, hospodářské a kulturní vztahy v letech 1968–1984. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2016, 113 s.
5. Монгол-Чехийн дипломат харилцааны баримт бичгийн эмхэтгэл (1950–2015). Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2015.

Борисова Екатерина

Исторический факультет Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

katerina_borisova03@mail.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.02

Образ святого Вячеслава в сентябрьской минее XI в.

Почитание святого чешского князя Вячеслава (или в иностранной традиции – Вацлава) заложено на Древней Руси не ранее, чем в XI веке. Об этом свидетельствует сохранный канон и служба святому Вячеславу в новгородской минее 1095-1097, опубликованной И.В. Ягичем.

Новгородские минеи позволяют установить образы, которые воспевались во время службы на Руси. В первую очередь, Вячеслав представляется в сознании верующих как лекарь. Это можно понимать двойственно. Во-первых, Вячеслав был лекарем в буквальном смысле, то есть излечивал телесные недуги и, во-вторых, Вячеслав выступал в роли «духовного» лекаря. Важно отметить, что Вячеслав излечивал тех, кто звал его «верою» [Ягич, 1886: 0220], то есть его помощь была доступна только христианам.

Второй образ, который закрепляется в сознании воспевающих, это образ Вячеслава-света. Чудесами, как лучами солнца, Вячеслав озаряет людей и укрепляет их в вере. Вместе с этим он указывает на то, что вместе с верой следует помощь. Стоит отметить, что в христианской традиции с светом соотносится Иисус Христос: на это указывает древнейшая молитва «Свете Тихий». Подобное сравнение Иисуса Христа и Вячеслава закономерно. В славянских источниках, например, в Востокской легенде, по мнению ряда

ученых, созданной в X в. Королук, 1970: 34], Вячеслав соотносится с Иисусом Христом в образе своей жизни и мученической смерти. Так, восприятие Вячеслава в соотношении с Богом к моменту его воспевания в XI веке оставалось актуальным.

Третий, заключительный образ можно охарактеризовать как Вячеслава-защитника. Как и в примере с лекарем, Вячеслав защищал свой народ от врагов «видимых и невидимых» [Ягич, 1886: 0213], то есть помогал против физически существующих неприятелей и невидимых греховных искушений. Однако же образ Вячеслава как воина будет развиваться значительно позже и сформируется к XVI веку в Хронике Гаека. До этого же Вячеслав предстает как защитник от греховности, в первую очередь он показывает примером своей праведной жизни, каким должен быть достойный христианин. Идентично с образом лекаря, и то, кому Вячеслав помогает как защитник – «на помощь верую тебя зовущим» [Ягич, 1886: 0220].

Таким образом, верующие XI века воспринимали святого Вячеслава не только как чешского князя. Он был для них защитником от всех возможных несчастий, физических и духовных. Однако для Новгорода, где христианизация давалась с наибольшими трудностями, было особенно важно, чтобы Вячеслав был святым-путеводителем веры и закреплял в сознании верующих банальную схему: если есть вера, значит, и будет покровительство.

Список литературы

1. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095-1097 г. / Труд [по опубликованию и вступит. статья] орд. акад. И.В. Ягича. СПб: Отделение русского языка и словесности имперской Академии наук, 1886
2. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / отв. ред. В. Д. Королук. М: Наука, 1970

Васильева Евгения

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

evgeniavasileva020188@gmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.03

Чешско-Словацкая делегация на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.)

Парижская мирная конференция 1919-1920 годов имела судьбоносное значение для Чехо-Словакии. На конференции был официально признан государственный статус Первой Чехо-Словацкой республики, определены границы, достигнуто ее международное признание.

Магистральными целями данной исследовательской работы являются:

- исследование замыслов и проектов, с которыми Э. Бенеш планировал выступить на конференции, а также выяснение стратегической позиции Т.Г. Масарика;

- выявление сложности процесса формирования молодого государства Чехо-Словакия;
- рассмотрение аргументов, которые использовались в условиях политического противостояния с Германией и вооруженного конфликта с Венгрией и Польшей;
- анализ процесса и хода установления границ с Австрией;
- характеристика позиции чешско-словацких делегатов по так называемому «русскому вопросу».

Исключительное значение имеет сборник материалов, вышедший в Чешской Республике в 2001 году и специально посвященный ее первым шагам на международной арене под названием «Чехословакия на Парижской мирной конференции 1918-1920» [1]. Это второй выпуск серии «Документы чехословацкой внешней политики». Значение этого выпуска трудно переоценить, так как в него включены документы, позволившие найти ответ на большинство поставленных вопросов в данной работе. Он имеет научный характер, включает обширную вводную статью, все материалы археографически обработаны, учитывая нормы научной публикации, принятые в современной Чешской республике. Каждый документ имеет преамбулу и, в случае необходимости, комментарии.

В это издание включен весь комплекс официальных документов, связанных с решением наиболее острых проблем, вставших перед молодой республикой в момент ее образования, прежде всего проблема определения границ. Кроме того, в сборнике имеются и протоколы заседаний правительства, на которых обсуждались вопросы внешней политики. Важный блок представляет корреспонденция премьер-министра и его заместителя с информацией о внутривнутриполитической ситуации в стране, в которой нуждался Э. Бенеш в Париже, чтобы во всей полноте обосновать требования Чехо-Словакии, когда речь шла о приграничных территориях.

В центре внимания автора - события, произошедшие осенью-зимой 1918 – летом 1919 годов, когда государствами Антанты был принят ряд принципиальных решений в пользу Чехо-Словакии. При этом, феномен Первой Чехо-Словацкой республики невозможно понять без упоминания событий Первой мировой войны.

28 октября 1918 года Чешско-Словацкий национальный комитет официально провозгласил создание Чехо-Словакии. В ходе переговоров в Женеве (28-31 октября), между лидерами парижского и пражского центров освободительного движения было принято Женевское соглашение. В нем подчеркивалась необходимость самоопределения народов и объединения Чешских земель со Словакией, а также речь шла о мирной конференции, задачей которой было установление нового мирового порядка. В заключении была выражена благодарность США, отстаивавших принцип справедливости и демократии в международных и внутренних делах.

Первоочередными задачами Парижской мирной конференции были: заключение мирных договоров, установление границ и принятие долгосрочных мер для предотвращения новых конфликтов. Чешско-Словацкую делегацию возглавляли Э. Бенеш и К. Крамарж, также ее важным членом был и военный министр М.Р. Штефаник. На конференции обсуждались проблемы границ с Австрией и Венгрией, Польшей, Германией, а также так называемый «русский вопрос». В процессе обсуждений возникли противоречия между французской аргументацией, основанной на «стратегических факторах», и англосаксонским подходом, ориентированным на «этнический принцип».

В результате, по решению конференции, «русский вопрос» не был решен вследствие разности позиций глав чешско-словацкой делегации и союзников. Словакия, и Подкарпатская Русь вошли в состав Чехо-Словакии как автономные регионы. Тешинская область в Верхней Силезии была взята под контроль Чехо-Словацкого государства, правда без проведения плебисцита и мирного договора с Польшей, Чешское пограничье было закреплено за Чехо-Словакией. Предложение о создании Бургенландского коридора между Чехо-Словакией и КСХС (Королевством Югославия) было отклонено в виду неубедительности его этнического состава. Вопрос о лужицких сербах остался нерешенным, в виду недостаточной обоснованности требований делегации, а мирные договоры с Германией (28.06.1919), Австрией (10.09.1919) и Венгрией (04.06.1920) окончательно завершили формирование границ.

Решения конференции обеспечили Чехо-Словакии возможность подписать мирные договоры. Её интеграция в Версальскую систему предопределила вектор внешнеполитической деятельности страны.

Список литературы:

1. Československo na pařížské mírové konferenci 1918-1920. Praha, Dokumenty Československé zahraniční politiky, 2001, Svazek I (listopad 1918-červen 1919), 390 s.
2. Galandauer J. Vznik Československé Republiky. 1918. Programy, projekty, perspektivy. Praha, Nakladatelství svoboda, 1988, 346 s.
3. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.2. М., Издание Литиздата Н.К.И.Д., 1926.

Дегтярёв Денис

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
ddy.hist@yandex.ru*

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.04

Idea slovanské jednoty v tvorbě J.Kollára a P.J. Šafaříka

Koncepcie „slovanské vzájemnosti“, rozpracovaná v první polovině 19. století slovenskými mysliteli Janem Kollárem (1793–1852) a Pavlem Josefem Šafaříkem (1795–1861), se stala jedním z klíčových ideových fenoménů období národního

obrození. V podmínkách germanizace a maďarizace v Rakouském císařství oba představitelé, pocházející z luterského protestantského prostředí a vzdělání na univerzitě v Jeně, ztělesňovali myšlenku jednoty zásadně odlišnými způsoby: Kollár poeticky a filozoficky, Šafařík prostřednictvím historické vědy.

Tvorba Jana Kollára představuje ucelený systém zdůvodnění slovanské pospolitosti. V lyricko-epické básni Slávy dcera (1824) vytvořil rozsáhlý národní mýtus: obraz bohyně Slávy a její dcery Míny se stal alegorií osudu celého Slovanstva a koncept „holubičího národa“ potvrdil duchovní převahu Slovanů nad dobyvateli, čímž kompenzoval politickou slabost kulturní velikostí [Шерлаимова, 1993: 15]. V traktátu «О literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečmi slovanského národu» (1837) byl tento poetický mýtus převeden do roviny konkrétního kulturního programu: čtyři hlavní nářečí – ruské, polské, ilyrské a česko-slovenské. Jazyky se měly stát oporou integrace prostřednictvím výměny knih, zakládání kateder slavistiky a očišťování jazyků od cizojazyčných výpůjček [Kollár, 1853: 3, 75-78]. Zásadně důležité je, že Kollár vědomě odděloval kulturní vzájemnost od politického panslavismu. Mesiášská složka této koncepce, založená na Herderově myšlence o vyčerpanosti románsko-germánského světa, dodávala podle vyjádření A. N. Рypina, «нравственную энергию ослабевшему и запуганному обществу» [Пыпин, 1913: 52].

Jestliže Kollár působil především na emocionální sféru, Šafařík poskytl myšlence jednoty přísnou vědeckou legitimitu. Ve Slovanském národopisu (1842) vytvořil první systematickou klasifikaci všech slovanských jazyků založenou na etnolingvistické příbuznosti, nikoli na politických hranicích, a stanovil celkový počet Slovanů na 78 691 000 osob [Шафарик, 1843: 141]. Ve Slovanských starožitnostech (1837), opíraje se o práce Hérodota, Tacita a Prokopia z Kaisareie, stejně jako o archeologické a lingvistické údaje, prokázal autochtonnost a hlubokou starobylost Slovanů v Evropě a vyvrátil teorii převládající v německé historiografii o jejich pozdním příchodu na kontinent [Шафарик, 1847: 74-76]. Etymologická analýza germanizovaných toponym (Meklenbursko – slov. Rarog, Braniborsko – slov. Branibor) názorně ukázala, že německá kultura v těchto zemích byla vybudována na starobylém slovanském základu [Шафарик, 1848: 136].

Díla Kollára a Šafaříka vytvořila vzájemně se doplňující celek: poetický mýtus prvního probouzel emocionální pocit solidarity, zatímco vědecká argumentace druhého mu poskytovala pevný základ faktů. Ačkoli „kulturní utopie všeslovanství“ nebyla ve své čisté podobě realizována kvůli národním rozporům, stala se mocným ideologickým podnětem pro vzestup národního sebeuvědomění [Павленко, 2023: 156], a Šafaříkovy práce položily základy akademické slavistiky, přičemž přímo ovlivnily revoluční události roku 1848 i formování slovanských národních států ve 20. století.

Список литературы:

1. Коллар Я. Сто сонетов из поэмы «Дочь Славы» / пер. с чеш.; вступ. ст. А. Соловьевой. М.: Художественная литература, 1973. 176 с.

2. Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 456 с.
3. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб.: Колос, 1913. 184 с.
4. Шафарик П.И. Славянское народописание / пер. с чеш. И. Бодянского. М.: Университетская типография, 1843. 174 с.
5. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. I. Кн. I / пер. с чеш. О. Бодянского. М.: Университетская типография, 1847. 462 с.
6. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. II. Кн. III / пер. с чеш. О. Бодянского. М.: Университетская типография, 1848. 378 с.
7. Шерлаимова С.А. Ян Коллар и Карел Гавличек-Боровский: две концепции возрожденческого гуманизма // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист: к 200-летию со дня рождения. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 14–26.

Злобина Дарья

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

d_zlobina@bk.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.05

«Польский вопрос» во взглядах власти и общества Российской империи накануне Январского восстания 1863 г.

Целью работы является исследование представлений власти и российского общества, и в первую очередь славянофилов, активно обратившихся к «польскому вопросу» именно в начале 1860-х гг., о наиболее эффективных методах решения возникших к началу царствования Александра II социальных и национальных противоречий в Царстве Польском.

К 1862 г. в Петербурге сформировалось представление о необходимости политики уступок и умиротворения по отношению к Царству Польскому. Ключевыми фигурами в рамках реализации политики умиротворения стали маркиз А. Велёпольский с его программой восстановления политической автономии Польши и возвращению к положению, утвердившегося в 1815 г. и Константин Николаевич как лидер группы либеральных реформаторов при дворе Александра II. Доверяя Велёпольскому и высоко оценивая его уровень влияния в польском обществе [Айрапетов, 2013: 31-32], великий князь в соответствии с его программой за несколько месяцев успел осуществить ряд административных, экономических, социальных и культурных преобразований, направленных на демонстрацию готовности российского правительства к реформам. Были сформированы главные институты, которые должны были стать основой управления автономного Царства Польского. Важным направлением его дальнейшей политики, по замыслам как самого Константина,

так и Александра II, должно было стать привлечение на свою сторону как можно большего числа умеренных сил в противовес революционному лагерю. Однако такого союза ему создать так и не удалось, что выражалось в и трёх покушениях на него и Велёпольского, и в продолжающихся манифестациях, и в трудностях формирования двора наместника. Не сложился союз Константина и с главной оппозиционной Велёпольскому политической силой - Землевладельческим обществом и его лидером А. Замойским как из-за личной неприязни к нему маркиза, передавшейся и великому князю, так и из-за нереалистичных надежд Замойского на расширение территории Польши. В то же время авторитет самого Велёпольского на протяжении этого периода постоянно снижался, что влекло за собой снижение доверия и к наместнику, тесно с ним связанного.

Одним из основных вопросов и в этой дискуссии, и в целом в работах славянофилов рубежа 1850-1860-х гг. становится «польский вопрос», в котором столкнулись противоречащие друг другу национальные проекты. На противопоставлении с польской нацией во многом строилась концепция народности у славянофилов. Ключевым её элементом становилось представление о мессианской роли России, выводившейся из православия как высшего проявления культуры русского народа [Głębocki, 2000: 125-126]. Как отмечает А.А. Тесля, образ поляка в своих основных чертах начинает складываться ещё с 1830-х гг., но «значимым изъятием» для славянофильской концепции народности Польша становится к 1860-м гг., когда в ней сливаются понятия славянства и православия, а образ России складывается как образ единственной страны, способной выражать суть истинной, т.е. православной, веры [Тесля, 2020]. Принцип, разделяемый издателем «Дня», на страницах которого в это время часто велась дискуссия по «польскому вопросу», заключался в уважении патриотических чувств любого народа и прав каждого народа на свою историческую землю и собственное управление. Границы непосредственно Польши Аксаков определяет как территорию, населённую людьми, относящими себя к польскому народу и разделяющему с ним общую историческую судьбу [Аксаков, 1900: 6]. Активным сторонником «примирительной позиции» в журнале «День» стал В. Елагин. Он настаивал на том, что для решения «польского вопроса» двум народам достаточно лучше узнать друг друга, увидеть то, чего до этого они не замечали: полякам в русских – силу общественного мнения, а русским в поляках – их стремление к государственности и права на неё.

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике империи // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 15 / отв. сост. К.В. Шевченко. М., 2013. С. 7-138.
2. Аксаков И.С. Наше нравственное отношение к Польше // Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. СПб., 1900. С. 3-13.

3. Тесля А.А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // Новое литературное обозрение. 2020. № 162 (2). [Электронный ресурс]. URL: Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве (дата обращения: 11.04.2026).
4. Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856-1866). Kraków, 2000.

Липай Владислав

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
vllipa@mail.ru*

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.06

Moskwa i polscy studenci we wspomnieniach Tadeusza Korzона

Tadeusz Korzon (1839-1918) został zapamiętany przede wszystkim jako wybitny polski historyk drugiej połowy XIX wieku, jeden z liderów warszawskiej szkoły historycznej. Niemniej jednak ta osobowość przyciąga uwagę nie tylko ze względu na wkład w naukę, ponieważ analiza jego bogatej biografii i wspomnień, opublikowanych w Krakowie w 1912 roku [Korzon, 1912], pozwala stworzyć wyobrażenie o tożsamości i światopoglądzie autora, a także o otaczającej go rzeczywistości.

Tadeusz Korzon urodził się w rodzinie szlacheckiej w Mińsku, tam też ukończył gimnazjum, następnie studiował na Uniwersytecie Moskiewskim, uczył w gimnazjum w Kownie, spędził kilka lat na wygnaniu w Orenburgu, po czym przeniósł się do Warszawy, gdzie już zajął się historią zawodowo.

Chciałbym skupić się na etapie, na którym na przykład polscy badacze biografii Korzона zatrzymują się mało, a mianowicie na okresie jego studiów na Uniwersytecie Moskiewskim. Historyk-memuarysta uchwycił szereg charakterystycznych cech życia codziennego i samoorganizacji społeczności polskich studentów, która otaczała go w latach studiów na Uniwersytecie.

Tadeusz Korzon przybył do Moskwy na rozpoczęcie nauki w sierpniu 1855 roku. Opuścił Białokamienną po ukończeniu studiów we wrześniu 1859 roku. Kogo spotkał Tadeusz, przyjeżdżając z polskiego dla niego Mińska? Wielką gromadę Polaków. Około 600 z guberni Zachodnich, niewielka liczba z Kongessówki, większość z Litwy. Przedstawiciele każdego regionu mieli swoje własne cechy.

Również Tadeusz Korzon informuje o codziennym życiu polskiego studenta, porusza kwestie kondycji finansowej, rozrywki. Przekazuje specyfikę życia Polaków na "koloniach": «Najtaniej można było mieszkać na «kolonii», t. j. z dwoma lub trzema kolegami w jednym lokalu, ale kolonizacja taka praktykowałą się tylko wtedy, gdy względy ekonomiczne brały górę nad naukowymi, bo praca szła niesporo przy gadulstwie współlokatorów i liczbie gości, wzrastającej w stosunku prostym do liczby gospodarzy» [Korzon, 1912: 53].

Co dziwne, przyszły słynny historyk nie napisał w swoich wspomnieniach praktycznie nic o studiach na Uniwersytecie, zwracając uwagę na aspekty życia polskiej społeczności. Bardziej martwi go wpływ tzw. "rusyfikacji", Korzon zauważa: «Lektura nasza zmierzała do poznania spraw i rzeczy polskich, bośmy wszyscy odbierali naukę elementarną w gimnazyach rosyjskich i rusyfikacyjnych» [Korzon, 1912: 58-59]. Stopniowo odczuwano zerwanie z Ojczyzną. Niemniej jednak wszystko to nie przeszkodziło mu w pomyślnym ukończeniu Wydziału Prawa Uniwersytetu Moskiewskiego, uzyskaniu stopnia kandydata i złotego medalu za pracę naukową.

Ważną część życia Polaków w Moskwie stanowiły święta związane z patriotycznymi datami. W szczególności Korzon podkreśla obchody 29 listopada, dnia wybuchu Powstania Listopadowego. Również ważnymi wydarzeniami życia polskiego w tych latach było spotkanie powracających do ojczyzny "Sybiriaków", czyli wcześniej zesłanych na Syberię Polaków. Osobny wątek stanowi istnienie nieformalnego stowarzyszenia "Ogól", łączącego zróżnicowaną masę polskich studentów.

Widzimy więc, że polski składnik w połowie XIX wieku bardzo mocno zakorzenił się na Moskiewskim gruncie. Polscy studenci nie tylko z Królestwa Polskiego, ale także z zachodnich guberni Imperium Rosyjskiego tworzyli odrębną grupę. Zetknęli się ze światem "rosyjskim", ale istnieli osobno. Ponadto wspomnienia Tadeusza Korzona ukazują perspektywę wielostronnej analizy takich tekstów.

Список литературы:

1. Матвеев Г. Ф. Корзон (Korzon) Тадеуш // Большая Российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010. С. 308.
2. Kolbuszewska J. Tadeusz Korzon (1839-1918): Między codziennością, nauką a służbą narodowi. Łódź, 2011. 366 s.
3. Konopczyński W. Korzon Tadeusz Sylwester (1839-1918) // Polski Słownik Biograficzny. T. 14. 1968. S. 178-181.
4. Korzon T. Mój pamiętnik przedhistoryczny. Kraków, 1912. 144 s.

Меркушина Татьяна

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

tat.merkushina2016@yandex.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.07

Nie tylko polityka: kwestia polska przy biurku roboczym paryskiej konferencji pokojowej

Paryska konferencja pokojowa 1919 r. stała się dla odrodzonej Polski nie tylko forum międzynarodowego uznania, lecz mechanizmem, w ramach którego ogólna deklaracja niepodległości musiała uzyskać konkretne ujęcie dyplomatyczne, eksperckie i prawne. Trzynasty punkt programu W. Wilsona przewidywał utworzenie

państwa polskiego z dostępem do morza, nie rozstrzygał jednak kwestii praktycznych: kto ma prawo reprezentować Polskę wobec aliantów i gdzie powinny przebiegać jej granice [Wilson, 1918; MacMillan, 2001: 208-212].

Tryb rozpatrywania tych problemów wyznaczała sama struktura konferencji. Nie była ona zgromadzeniem równoprawnych uczestników: kluczowe decyzje podejmowały wielkie mocarstwa — najpierw w ramach Rady Dziesięciu, a od marca 1919 r. coraz częściej w formacie Rady Czterech. Delegacje państw nowych i odrodzonych mogły przedstawiać swoje postulaty oraz składać memoranda, lecz ostateczna sankcja polityczna pozostawała po stronie aliantów [MacMillan, 2001: 45-48; FRUS, 1919, T. XIII].

W ten system musiała wpisać się delegacja polska. Pierwszą przeszkodą był dualizm polskiego przedstawicielstwa. W Warszawie faktyczna władza należała do J. Piłsudskiego, kontrolującego aparat państwowy i armię; w Paryżu działał natomiast Komitet Narodowy Polski pod przewodnictwem R. Dmowskiego, już uznany przez Ententę. Powołanie I. Paderewskiego na premiera i ministra spraw zagranicznych 16 stycznia 1919 r. pozwoliło powiązać warszawski ośrodek władzy z KNP i przedstawić aliantom bardziej skoordynowaną formę polskiego przedstawicielstwa [MacMillan, 2001: 207-211; Kania, 2022: 71-76].

29 stycznia 1919 r. Dmowski wystąpił przed Radą Dziesięciu z wykładem polskiego programu terytorialnego. Dążył do wykazania, że Polska powinna być państwem zdolnym do funkcjonowania — z dostępem do morza, podstawą gospodarczą i bezpiecznymi granicami. Samo wystąpienie ujawniło jednak niejednorodność polskich postulatów: Gdańsk wiązał się z dostępem do Bałtyku, Górny Śląsk — z przemysłem i reparacjami, Śląsk Cieszyński — ze sporem polsko-czechosłowackim, a Galicja Wschodnia — z wojną polsko-ukraińską [FRUS, 1919, T. III; MacMillan, 2001: 212-219].

Dlatego program polski został przekazany Komisji do spraw Polskich pod przewodnictwem J. Cambona. To właśnie tam postulaty polityczne przełożono na język map, statystyk, komunikacji, okręgów przemysłowych i projektów granic. Komisja była zmuszona zestawiać ze sobą argumenty etnograficzne, historyczne, gospodarcze i strategiczne. Konsekwentne zastosowanie tylko jednego kryterium okazywało się niemożliwe: zasada etniczna ograniczała polskie roszczenia tam, gdzie dla trwałego istnienia państwa potrzebne były dostęp do morza, połączenia kolejowe lub okręgi przemysłowe; argumenty historyczne i strategiczne nieuchronnie wchodziły natomiast w sprzeczność z interesami innych narodów i państw [MacMillan, 2001: 214-219; Kania, 2022: 76-82].

Właśnie dlatego program polski rozpatrywano nie jako jednolite żądanie terytorialne, lecz jako zespół odrębnych punktów spornych. W przypadku Gdańska utworzono Wolne Miasto pod protektorem Ligi Narodów, co pozwalało uwzględnić niemiecki charakter ludności i zachować dla Polski prawa celne, transportowe i portowe [Traktat wersalski, 1919: Art. 100-108; MacMillan, 2001: 216-218]. Na Górnym Śląsku argumenty etnograficzne zderzyły się ze znaczeniem przemysłu i reparacji, dlatego sprawę przekazano procedurze plebiscytowej [Traktat

wersalski, 1919: art. 88; MacMillan, 2001: 218–219]. Śląsk Cieszyński, gdzie polskie roszczenia przecinały się z interesami Czechosłowacji, został przeniesiony na płaszczyznę arbitrażu, a Galicję Wschodnią traktowano jako obszar o nieokreślonym statusie [FRUS, 1919, T. III; Kania, 2022: 81-87].

Traktat wersalski z 28 czerwca 1919 r. uznawał Polskę, ustalał część granicy zachodniej, ustanawiał reżim Gdańska, przewidywał plebiscyty i zobowiązania mniejszościowe, lecz pozostawiał otwartą granicę wschodnią, status Galicji Wschodniej oraz wyniki przyszłych głosowań. Po Wersalu kwestia polska rozwijała się dalej poprzez konflikty z Niemcami, Czechosłowacją, Ukraińcami i Rosją sowiecką; kierunek wschodni został ostatecznie ukształtowany dopiero po wojnie polsko-sowieckiej i traktacie ryskim [Traktat wersalski, 1919: Art. 87-93; Kania, 2022: 83-87; Kornat, 2009: 10].

Список литературы:

1. Wilson W. President Woodrow Wilson's Fourteen Points. 1918 – URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (дата обращения: 10.05.2026).
 2. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1943 – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv03> (дата обращения: 10.05.2026).
 3. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. XIII. Washington: United States Government Printing Office, 1947 – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv13> (дата обращения: 10.05.2026).
 4. Traktat pokoju między mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Niemcami, podpisany w Wersalu dnia 28 czerwca 1919 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1920. Nr 35. Poz. 200; Nr 110., Poz. 728.
 5. MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World. New York: Random House, 2002.
 6. Kania K. Diplomatic and Military Efforts for Recognition of the Republic of Poland and Its Borders, 1914–1921 (1923) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / Hg. M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. S. 71-88.
 7. Kornat M. Zrozumieć system wersalski, czyli o genezie II wojny światowej // Dzieje Najnowsze. 2009. Nr 3. S. 5-32.
-

Оганов Александр

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

meloun815@yandex.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.08

Западная Чехия в преддверии Гуситских войн

Гуситская революция (1419-1434) - один из значимых и наиболее изученных феноменов позднего Средневековья в Центральной Европе. Традиционная историография, особенно под влиянием марксистского подхода, сосредоточилась на «истории успеха» - на возникновении Табора как революционного города бедноты, полевых войсках, Пражских статьях и социальных экспериментах хилиастических сект. Этот подход, сколь бы плодотворным он ни был, создал в определенной степени искаженную картину революции как процесса, который логически кульминировал в центрах радикализма, в то время как другие регионы оставались на периферии интереса как пассивная «периферия».

Идея для исследования - применить противоположный методологический подход, а именно «историю неуспеха», вдохновленную трудом Фернана Броделя, а именно его труде *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*. В то время как Бродель мастерски анализировал, почему и как некоторые европейские центры стали очагами капиталистического развития, я ставлю вопрос иначе: почему некоторые регионы не смогли преобразовать социально-экономическое напряжение в революционную политическую и военную программу? Почему Западная Чехия, в частности Пльзеньский край, не стала вторым Табором или еще одним Жатцем?

Ответ на этот вопрос кроется не в интеллектуальной отсталости или религиозной пассивности региона. Он заключается в его специфической социально-экономической конфигурации, которую в броделевском ключе можно охарактеризовать как доминирующую моноцентрическую модель феодального и церковного владения, тормозившую развитие конкурентного «рынка» и «капиталистических» механизмов. На повестку вынесены следующие тезисы:

Западная Чехия характеризовалась структурой, где крупные феодальные и церковные комплексы (такие как цистерцианский монастырь в Хотешове) подавляли возникновение полицентрической среды конкурирующих городов и знати, типичной для северо-запада (Жатецко-Лоунский край).

Экономика региона была сильно ориентирована на баварские рынки, что создавало стабилизирующее, а не радикализирующее давление и укрепляло консервативные силы.

Радикальный хилиазм проповедника Вацлава Коранды, хотя и присутствовал, был идеологической реакцией на эту специфическую экономику церковных и светских монополий, но не имел достаточной социально-экономической базы в

лице сильного городского патрициата или консолидированного крестьянства, чтобы трансформироваться в устойчивый революционный центр.

XIV век был в Западной Чехии временем завершения внутренней колонизации и урбанизации. После стабилизации положения после династических споров регион интегрировался в структуры Чешского королевства как важная экономическая и стратегическая область. Его положение на границе с Баварией придало ему специфический характер границы с высокой долей королевских городов, которые, однако, оставались под сильным влиянием крупной знати и церкви.

Западная Чехия в XIV веке представляла собой пример региона с высокой концентрацией церковных земель и отсутствием сильной конкуренции между светскими феодалами. Изучение землевладения этого региона способно раскрыть причины отсутствия революционного подъема в этом регионе. В отличие от южных или северо-западных земель, где местная знать и города активно боролись за власть и ресурсы, здесь преобладала моноцентрическая модель феодальной организации.

Основной чертой западно-чешской экономики было преобладание крупных феодальных и церковных владений. В отличие от северо-западной Чехии, где владения панов из Дубэ, Вартенберков и Михаловицей перемежались с раздробленными церковными землями, здесь преобладала модель, которую можно назвать моноцентрической.

Ключевым свидетельством этой структуры является урбарий Хотешовского монастыря 1367 года. Цистерцианский монастырь в Хотешове, основанный в XIII веке, владел компактным блоком из 47 деревень и дворов в непосредственной близости от Пльзенья (до 11 км). Урбарий фиксирует систему стабильного, хорошо организованного поместья.

Хотешовский урбарий демонстрирует высокую долю денежной ренты (по оценкам, 50-70% от общего обложения) по сравнению с урбариями из других областей (например, Роудницкий урбарий 1338 года показывает лишь около 30-40%). Высокая монетизация могла бы на первый взгляд предполагать «прогрессивность» и развитие рыночных отношений.

Урбарий указывает на преобладание средних наделов (1-2 лана) в регионе. В отличие от южной Чехии (паны из Рожмберка) или севера, здесь не засвидетельствован значительный слой очень богатых старост или массы совершенно безземельной бедноты. Крестьяне находились в относительно более стабильном, хотя и не легком, подданском положении. «Мягкая» монастырская власть, предпочитавшая регулярный денежный доход экстенсивной барщине, не создавала столь сильных непосредственных стимулов для бунта, как жесткая светская власть или нищета в рудных районах.

Сравнение с Роудницким урбарием (1338 г.) имеет решающее значение. Роудницкий урбарий из области, подчиненной Пражскому архиепископству на северо-западе Чехии, показывает иную модель: более фрагментированное владение, более высокую долю натуральной ренты и барщины, но также

большее разнообразие и конкуренцию между отдельными властями и городами (Жатец, Лоуны, Мост). Именно эта конкуренция создавала пространство для социальной мобильности, конфликтов и, в конечном счете, для формирования революционного потенциала. Хотешовская модель, напротив, это пространство подавляла.

Светская знать была представлена крупными родами (например, паны из Добржани или Швигова), чьи владения также были обширны, но их экономическая стратегия, в отличие от стратегии «революционного» юга, была тесно связана с королевским двором.

Основу доходов составляли стабильные денежные оброки. Ставки были жестко фиксированы и редко менялись. Для крестьянина это означало предсказуемость.

Несмотря на высокую монетизацию, урбарий фиксирует и значительные поставки натурой — зерно, птицу, яйца, мед. Это указывало на то, что монастырская экономика стремилась к автаркии и не была полностью встроена в рыночный обмен. Монастырь обеспечивал себя продуктами питания и сырьем за счет подневольного труда, а вырученные от денежного оброка средства использовал для накопления или строительства, а не для экономического развития региона.

Трудовые повинности были строго регламентированы, но в целом объем барщины на западе Чехии был ниже, чем в центральных областях. Тем не менее, они включали в себя тяжелые лесозаготовки и строительство, что делало положение крестьян зависимым, но не толкало их к голодной смерти (в отличие от горнодобывающих районов).

Урбарий позволяет реконструировать довольно консервативную социальную структуру. Крестьянство в основном состояло из полноземельных, державших стандартный надел (1 лан). Прослойка зажиточных крестьян, способных накопить капитал и стать опорой для революционного движения (как это было в горной местности), здесь практически отсутствовала. Массы обездоленных малоземельных или безземельных также не достигали того критического порога, при котором социальное недовольство переходит в вооруженную борьбу.

По сравнению с севером, где существовала жесткая конкуренция между панами, городами и церковью, Западная Чехия жила в условиях экономического консенсуса. Это был регион, где феодализм смог создать устойчивую модель, не допустив возникновения крайней степени обнищания и озлобления низов.

Таким образом, аграрная структура и система землевладения в Западной Чехии в XIV веке были основным препятствием на пути распространения гуситской революции.

Пльзень, основанный как королевский город в 1295-1300 гг., был доминирующим городским центром региона. Его значение основывалось на

стратегическом положении на Королевской дороге в Баварию. Город был центром пивоварения, сукноделия и металлообработки.

Анализ городских книг Пльзеня (например, судебные книги, купчие) и налоговых списков выявляет слабую внутреннюю динамику.

Городской совет контролировался немецким патрициатом, который был ориентирован прежде всего на торговлю с Баварией. Ремесленные цехи имели большое значение, но их политическая власть была ограничена. Слой городской бедноты был менее многочисленным, чем в Праге или в горнодобывающих городах северо-запада.

Пльзень был скорее как локальный рынок, нежели как центр нарождающегося капитализма в броделевском смысле. Пльзень хотя и извлекал выгоду из торговли, был скорее посредником, чем самостоятельным актором. Его капитал не был достаточно силен, чтобы противостоять феодальной власти.

Анализ городской экономики Пльзеня в преддверии Гуситских войн позволяет понять, почему этот город Западной Чехии не стал центром радикального движения. В отличие от Жатца или Лоун, где сложились сильные цеховые структуры и влиятельная городская оппозиция, Пльзень демонстрировал иную модель: сильную экономику, связанную с транзитной торговлей, которая порождала консервативную социальную структуру, заинтересованную в сохранении существующего положения вещей.

Главным товаром, шедшим через Пльзень, была соль из Райхенхалля. Соль была стратегическим товаром, и контроль над ее распределением приносил огромные доходы. Обратным потоком в Баварию шло чешское серебро, пиво, скот, сукно и хмель.

Пльзень был не просто транзитным пунктом. Город получил право склада, обязывавшее купцов выставлять товары на продажу в городе. Это стимулировало развитие местного рынка и обогащало городскую казну за счет пошлин и налогов. Однако этот же статус делал патрициат Пльзеня кровно заинтересованным в сохранении стабильности на путях и добрых отношений с баварскими партнерами.

Внутренняя организация ремесла в Пльзене следовала общеевропейским образцам, но с определенными региональными особенностями. Основой производства были цехи, которые объединяли мастеров одной или смежных профессий.

Социальная структура ремесленного сословия была иерархичной: мастера (владельцы мастерских и члены цеха), подмастерья и ученики. Ключевое значение для экономики Пльзеня имело то, что в отличие от Жатца, где цехи обладали значительным политическим весом и смогли добиться представительства в городском совете, в Пльзене доминировал патрициат. Немецкое купечество, контролировавшее транзитную торговлю, удерживало власть в своих руках, а ремесленники были отстранены от принятия ключевых политических решений.

Патрициат Пльзеня представлял собой замкнутую группу богатейших купеческих семей, многие из которых были немецкого происхождения. Их состояние напрямую зависело от двух факторов - бесперебойной работы Королевской дороги и стабильности монетной системы. Любой конфликт, война или политическая нестабильность сильно бы отразилось на них. Патрициат был кредитором и торговцем, поэтому девальвация монеты или инфляция наносили ущерб их предкапиталистическому накоплению.

Именно эта заинтересованность в стабильности и определила консервативную позицию городских верхов в преддверии Гуситских войн. Патрициат Пльзеня не был заинтересован в радикальных религиозных или социальных преобразованиях. Секуляризация церковного имущества, на которой настаивали гуситы, угрожала не только церкви, но и связям с католической Баварией.

Таким образом, Пльзень представляет собой пример города, где экономическое процветание, основанное на транзитной торговле с южногерманскими католическими землями, породило мощный консервативный блок патрициата. Этот блок был способен подавить внутреннюю оппозицию и не допустил превращения города в центр гуситского движения. Пльзень стал не «вторым Табором», а «первым оплотом контрреволюции», и корни этого лежали не в религиозном консерватизме, а в структуре его экономики.

Ключевым фактором «неуспеха» Западной Чехии была ее тесная хозяйственная интеграция с католической Баварией. Королевская дорога была не просто торговым путем, она была артерией, отводившей потенциальную революционную энергию.

В Пльзене и Хебе были в обращении не только пражские гроши, но и баварские, и имперские монеты. Во времена денежных кризисов (например, девальвации гроша) западно-чешские рынки ориентировались на более стабильную имперскую валюту. Эта монетарная зависимость от чуждого, католического экономического пространства сдерживала радикальные политические и конфессиональные позиции. Радикальные гуситы требовали не только чашу, но и секуляризации церковного имущества и изменения социального порядка - что было бы в прямом противоречии с интересами баварских торговых партнеров, которые тяготели к консервативному католицизму.

Контраст с другими регионами Чешского королевства весьма показателен. В то время как Западная Чехия была ориентирована на запад и была от него жизненно зависима, Южная Чехия (особенно район Табора) была более бедной, периферийной и не имела прочных связей с внешними рынками. Здесь патрициат не обладал достаточной силой, чтобы подавить социальные волнения. Беднота, которой нечего было терять, нашла здесь благодатную почву для радикального хилиазма.

Северо-Западная Чехия (Жатецко-Лоунский край) представляет собой иной случай. Их торговые связи были направлены скорее в Саксонию и

Тюрингию, которые были более религиозно и политически раздробленными. Кроме того, тамошняя экономика была построена не на одном доминирующем городе (подобно Пльзеню), а на конкуренции нескольких центров (Жатец, Лоуны, Мост), что позволило радикальным течениям получить опору.

Таким образом, Западная Чехия в конце XIV - начале XV века представляла собой в рамках Чешского королевства специфический остров процветания и экономической стабильности, который, однако, был за это процветание дорого заплачен - ценой зависимости от Баварии и связанной с этим консервативной политической ориентации. Эта структурная характеристика является ключом к пониманию того, почему регион, несмотря на то, что в нем действовали радикальные проповедники, подобные Вацлаву Коранде, не стал центром гуситской революции. Экономические интересы его правящего слоя были неразрывно связаны с сохранением старого порядка, одним из опорных пунктов которого был Пльзень.

Применение метода «истории неуспеха» к случаю Западной Чехии в преддверии Гуситских войн позволило преодолеть упрощенные представления о «революционных» и «консервативных» регионах. Было показано, что ключом к пониманию того, почему определенная территория не стала центром революции, является анализ ее экономической инфраструктуры и долгосрочных трендов ее развития.

На основе анализа урбария Хотешовского монастыря, городских книг Пльзеня и сравнения с другими регионами можно констатировать следующее: моноцентрическая модель феодального владения на западе Чехии, с доминированием компактных и экономически сильных церковных поместий, подавляла возникновение конкурентной среды, которая была питательной почвой для радикализации на северо-западе; высокая монетизация феодальной ренты в этом регионе не привела к развитию «капиталистических» рыночных механизмов, а привела к централизации денег в руках консервативных институтов (церковь, патрициат), которые не инвестировали их в развитие региона, а использовали для сохранения существующего порядка; интеграция в баварское рыночное пространство действовала как стабилизирующий фактор. Торговые и финансовые интересы связали западно-чешскую экономическую элиту с католическим зарубежьем и создали мощное препятствие для любой попытки радикального конфессионального или социального переворота; хилиазм Вацлава Коранды, сколь бы радикальным он ни был идеологически, был продуктом экономической ситуации, а именно апокалиптическим криком против «забетонированной» властной и экономической структуры. Его неудача была вызвана не недостатком радикальной идеи, а недостатком достаточно сильной и организованной социальной базы, которая могла бы превратить эту идею в революционную политическую и военную силу.

Таким образом, Западная Чехия не просто «периферия» гуситской революции, но ключевой случай для понимания ее пределов. В то время как на юге потерпела неудачу попытка построения «Божьей республики» на пустом

месте в Таборе, а на севере возникли сильные, но внутренне противоречивые городские сообщества, Запад показал, что прочно укорененная феодально-капиталистическая (в броделевском смысле) структура способна не только отразить революционную волну, но и идеологически ее абсорбировать. Будущие исследования должны быть направлены на более глубокий сравнительный анализ региональных рынков и финансовых потоков внутри Чехии, чтобы можно было проверить эту модель на других «неудавшихся» регионах.

Список литературы:

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М.: Альма Матер, 2022.
2. Šmahel F. Die Hussitische Revolution. 3 Bde. Hannover, 2002.
3. Macek J. Die Hussitenbewegung in Böhmen. Praha, 1965.
4. Рубцов Б.Т. Гуситские войны. Великая крестьянская война XV века в Чехии. М.: Госполитиздат, 1955.
5. Čechura J. Rozsah a dynamika sekularizace církevních statků v západních Čechách na počátku husitské revoluce (v letech 1419–1420) // Právněhistorické studie. 1989. № 29. S. 43–63.
6. Nový R. Vývoj sociální struktury Plzeňska ve 14.–17. století // Minulostí západočeského kraje. 1985. № 21. S. 157–166.

Сварещук Александра

Институт лингвистики

Российского государственного гуманитарного университета

svareshchuka@bk.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.09

Фразеологические единицы в рассказах К. Чапека и способы их передачи в русских переводах.

Фразеологические единицы (ФЕ) – наиболее образный и культурно-специфичный уровень языка, труднопереводимый из-за связи с национальным мировосприятием. Сборник К. Чапека «Рассказы из одного кармана» – уникальный материал для исследования благодаря живой разговорной речи, иронии и устойчивым оборотам.

Цель работы – выявление ФЕ в рассказах Чапека и анализ способов их передачи в русских переводах.

В работе рассматриваются различные подходы к определению ФЕ. Н.М. Шанский понимает ФЕ как воспроизводимую единицу языка, состоящую из двух или более компонентов, фиксированную по значению, составу и структуре [Шанский, 1996: 15]. Ф. Чермак вводит для ФЕ понятие многогранной аномалии [Čermák, 2007: 38]. Анализ текстов переводов проводился с опорой на классификацию межъязыковых соответствий А.В. Кунина (полные эквиваленты, частичные эквиваленты, фразеологические аналоги,

безэквивалентные единицы) и классификацию способов перевода В.Н. Комиссарова (фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калькирование, описательный перевод и опущение).

На материале рассказов «Голубая хризантема» и «Бесспорное доказательство» проведен сопоставительный анализ оригиналов и русских переводов (Т. Аксель, Ю. Молочковский). Всего в текстах было выделено 25 ФЕ. При анализе способов перевода выявлено, что наиболее частотными являются фразеологический аналог (32,1 %) и фразеологический эквивалент (28,6 %). Значительная доля эквивалентов и аналогов свидетельствует о близости чешской и русской фразеологических систем. Описательный перевод составляет 25 % и применяется для передачи безэквивалентных единиц. Калькирование (7,1 %) и опущение (7,1 %) встречаются редко, преимущественно при передаче междометных фразеологизмов, не имеющих соответствий в русском языке. В ряде случаев переводчик использует компенсацию.

Анализ также показал, что в отдельных случаях при переводе были допущены смысловые искажения. Так, устойчивое чешское выражение *když se to vezme kolem a kolem* (вводный оборот со значением «в общем и целом») в русском тексте передано как «важная персона в округе». Междометные фразеологизмы *kristepane* и *hergot*, выражающие удивление и досаду, в переводе полностью опущены, что приводит к потере эмоциональной окраски и разговорного колорита оригинала.

Фразеологизмы в рассказах Чапека тесно связаны с чешской культурой и выполняют важные функции создания речевых портретов персонажей, передачи эмоций и комического эффекта. При переводе доминируют аналогии и эквиваленты, однако около четверти фразеологического материала передается с потерей образности, а в отдельных случаях – с искажением смысла. Полученные результаты подтверждают необходимость дальнейшего изучения способов передачи национально-специфической фразеологии в художественном переводе.

Список литературы:

1. Чапек К. Рассказы из одного кармана / пер. с чеш. Т. Аксель, Ю. Молочковского. LitLife – URL: <https://litlife.club/books/72692/read?page=3> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Čapek K. Povídky z jedné kapsy. KKnihy.cz – URL: <https://books.google.ru/books?id=OE0BEAAAQBAJ&pg=PT1> (дата обращения: 23.04.2026)
3. Stepanova L., Mokienko V. M. Rusko-český frazeologický slovník –URL: <https://www.scribd.com/document/507908847> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Норман Б.Ю. Сопоставительная славянская фразеология и паремиология: краугольные камни и камни преткновения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2020, Т. 17, № 3. С. 446–456.

5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.
6. Čermák F. Frazeologie a idiomatika česká a obecná / Czech and General Phraseology. Praha: Univerzita Karlova v Praze – Nakladatelství Karolinum, 2007. 718 s.

Терина Ирина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

ioterina@stud.kantiana.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.10

Способы перевода неологизмов с префиксом bez- в поэзии Б. Лесьмяна

Болеслав Лесьмян – польский поэт-символист «Молодой Польши», известный благодаря изобретению авторских неологизмов. Перевод данных неолексем усложняет работу переводчика: необходимо адекватно передать экспрессивность, смысл, нередко – особенности словообразовательной структуры слова [Wieczorkiewicz, 2019: 17]. Целью исследования является определение особенностей перевода авторских неологизмов Б. Лесьмяна с префиксом bez- на русский язык и установление степени их структурно-смысловой эквивалентности польским неологическим единицам.

Неодериваты с префиксом bez- выполняют особую концептуальную роль в поэзии Лесьмяна и иллюстрируют категорию небытия и вечность, в которой обитают различные духи, и которая настигает героев после смерти. Из 70 неологизмов, отобранных в ходе сплошной выборки, 16% образованы с помощью префикса bez- (11 единиц). Анализ приемов, используемых переводчиком с целью адекватной передачи неологизмов с префиксом bez- на русский язык, производится на материале стихотворения «Topielec» («Утопленник») в переводе С. Чумакова.

В начале стихотворения демон зелени «заманивает человека уст таинственным бессмехом» [Лесьмян, 2006:103], «I nęcił ust zdyszanych tajemnym bezśmiechem» [Leśmian, 1920: 9] – неологизм указывает на связь существа с потусторонним миром. Автор перевода прибегает к грамматической трансформации: если «bezśmiech» является существительным, то в переводе присутствует прилагательное.

Окончание стихотворения насыщено авторскими неологизмами с префиксом bez- в сопровождении экспрессивных интенсификаторов «taki», «taką», «takich», также присутствует архаизм «bezdeń» - бездна, которые все вместе и формируют образ исключительной глубины, безграничности мира небытия.

Неологизм «bezświat», состоящий из приставки bez- и корня świat-, дословно может быть переведен как «безмир» или «бессвет», где существительное «свет» обозначает «мир, вселенная». С. Чумаков переводит

эту единицу с помощью лексической замены, используя слово «бездна», которое может обозначать как огромную глубину, так и тьму, что соответствует нескольким возможным трактовкам авторского неологизма «bezświat». Примечателен выбор лексемы в данном случае: устаревшее польское слово «bezdeń» (со значением «то, что не имеет дна; пропасть») появляется дальше по тексту в словосочетании «w stu wiosen bezdeni».

Неологизм «bezbrzask» образован от приставки bez- и существительного «brzask», дословно можно перевести как «беззаря» или «безрассвет». С. Чумаков прибегает к лексико-семантической замене, используя в качестве эквивалента слово «темень». На смысловом уровне это влечет за собой определенные потери: слово «темень» обозначает плотную темноту, неологизм же Б. Лесьмяна предполагает отсутствие видимого света потустороннего мира, а не привычную тьму. В переводе «w taki bezbrzask głuchy» посредством использования сочетания «темень такую глухую» происходит утрата неологизма, однако передается смысл и образ «без-рассвета», «без-зари». Переводчик удачно компенсирует утрату морфологической структуры на уровне звукописи и глубинного смысла, добавив в текст перевода строку «не поняв ни бельмеса», которая отсутствует в тексте оригинала.

При переводе префиксальных неологизмов С. Чумаков не создает собственных единиц, а прибегает к различным заменам. Однако, в целом, ему удается показать неологичность творчества польского поэта, компенсируя их отсутствие в других строках, особенно в начале стихотворения, где он изобретает лиричные наречия «полянно» и «препокойно» на месте слов «na leśniej polanie» и «leżą zwłoki wędrowca».

Список литературы:

1. Лесьмян, Б. Безлюдная баллада, или Слова для песни без слов: поэзия, театр, проза: [перевод с польского]. Москва Пултуск: Вахазар Рипол Классик Высшая гуманитарная школа, 2006. – 800 с.
2. Leśmian, B. Łąka. Warszawa: J. Morkowicz, 1920. – 206 s.
3. Wieczorkiewicz A. W obcej Leśmianii. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2019. – 164 s.

Хорошаева Арина

*Институт лингвистики Российского государственного
гуманитарного университета*

arina.horosh@mail.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.11

Провокация в творчестве Давида Черни.

В обыденном сознании провокация чаще всего воспринимается как подстрекательство или агрессивный вызов. В искусстве этот термин приобретает иное значение – провокация становится инструментом пересмотра устоявшихся норм. А.А. Сычев различает формальную провокацию, связанную

с разрушением привычных художественных форм, и содержательную, направленную на социальные, политические и моральные запреты [Сычев, 2017].

В свою очередь, Т.Н. Шеметова предлагает различать «идейного» и «идеального» провокатора. Второй тип не просто вызывает скандал, а запускает рефлексивную игру, вовлекая зрителя в переосмысление привычных смыслов. Идеальная провокация, проходит четыре стадии: имитацию, членение, разрушение и утверждение [Шеметова, 2017: 15].

Эту модель можно последовательно проследить в творчестве чешского скульптора Давида Черни. Его работы строятся на иронии, абсурде и резком визуальном жесте, а опыт жизни в Чехословакии превратил провокацию для него в способ говорить о власти, истории и общественных табу. Наиболее показательный пример – «Розовый танк» 1991 года. Черни перекрасил советский танк-памятник ИС-2 в розовый цвет. Официально этот монумент символизировал освобождение, однако для многих чехов после 1968 года он стал знаком оккупации. Анализ работы через четыре стадии Шеметовой показывает, как работает метод Черни: он берёт готовый официальный символ (имитация), обнажает его противоречивый смысл (членение), минимальным вмешательством – сменой цвета – разрушает его сакральность и превращает в абсурдный объект (разрушение), что запускает длительную общественную дискуссию (утверждение).

Другой пример – проект «Энтропа» 2009 года, созданный к председательству Чехии в Совете ЕС. Черни должен был представить коллективную работу 27 художников из стран Евросоюза, но вместо этого выдумал всех авторов и создал композицию из резких национальных стереотипов. Здесь формальная провокация – отказ от идеи коллективного творчества, сочетается с содержательной – нарушение границ политической корректности.

В работе «Brown Noses» 2003 года провокация строится на политическом содержании и физическом вовлечении зрителя. Чтобы увидеть видео внутри скульптуры, зритель должен подняться по лестнице и заглянуть в фигуру сзади. Форма произведения заставляет совершить провокационное действие, а видео с фигурами, напоминающими президента Вацлава Клауса и директора Национальной галереи Милана Книжака, превращает работу в сатиру на власть и культурные институты.

Провокация у Черни не сводится к эпатажу ради эпатажа. Это продуманный метод, позволяющий художнику, выросшему в системе, где правду нельзя было сказать прямо, выносить на публичное обсуждение то, что обычно остаётся за рамками допустимого. Черни действует как «идеальный провокатор»: он не навязывает вывод, а создаёт ситуации, в которых зритель вынужден заново осмысливать привычные символы.

Список литературы:

1. Schierholt D. David Cerny: Rebel Genius // YouTube, 2024 – URL: <https://youtu.be/5moHOmEqIsU?si=TEvXbo0UIH6NP2kI> (дата обращения 22.06.2026)
2. Černý D. Biography of David Černý // Official website – URL: <https://www.davidcerny.cz/#about> (дата обращения 22.06.2026)
3. Schuster C. The Art of Pissing People Off: Controversial Artist David Cerny Creates Sculptures Full of Defiance & Humor // Hi-Fructose Magazine, 2025 – URL: <https://hifructose.com/the-art-of-pissing-people-off-controversial-artist-david-cerny-creates-sculptures-full-of-defiance-humor/> (дата обращения 22.06.2026)
4. Шеметова Т.Н. Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсерватория культуры, 2017. № 1. С. 11–17.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. с. 797
6. Сычев А.А. Провокация в истории искусства // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право, 2017. № 4. С. 15–27.

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Акритова Ольга

*Факультет иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

akritovao03@gmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.12

Отражение культурного концепта размеренной жизни в сербском языке.

В сербском языке существует слово «полако», которое переводится как «медленно», «постепенно». Однако это не простое наречие, а целый культурный концепт, который раскрывает особенности системы ценностей сербов. «Полако» включает в себе особое отношение ко времени, оно олицетворяет неспешные ритм жизни. В мире, где все спешат, сербы наслаждаются простыми радостями: общение с близкими, вкус домашней еды, красота природы вокруг. Если серб заметит суету или спешку, он обязательно скажет: «Полако». Зачастую это прозвучит в значении «не спешите, наберитесь терпения».

Для того чтобы рассмотреть особенности данного концепта и то, как он отражается в сербском языке, разберем взаимосвязь культуры и языка в целом. Язык является зеркалом культуры и окружающего мира, он отражает действительность, создает картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и соответствующего народа [С.Г. Тер-Минасова, 2002]. Язык не просто отражает культуру человека. Его важнейшая функция заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. В идиоматике языка, в слове, который уже сам по себе культурно специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, людям, другим народам [С.Г. Тер-Минасова, 2002]. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют образ жизни, географическое положение, историю и традиции определенной общности, объединенной одной культурой [С.Г. Тер-Минасова, 2008]. В связи с этим данное исследование рассматривает отражение концепта размеренной жизни конкретно в пословицах и поговорках сербского языка.

Практическим материалом исследования послужил сборник Миня Пьешич «Сербские, боснийские и хорватские пословицы и поговорки и их русские аналоги» [Миня Пьешич, 2025]. Методом сплошной выборки были проанализированы 1138 единиц языка. Из них было выделено 52 единицы, отражающих концепт размеренной жизни. Среди принципов, по которым осуществлялся отбор, использовались следующие:

- 1) единица содержит временной компонент (описывает нечто неспешное, медленное);
- 2) единица закрепляет идею о том, что время работает на того, кто умеет ждать;
- 3) единица отражает идею того, что качество важнее скорости;

4) единица описывает естественный ритм жизни.

Далее представлено несколько примеров отобранных языковых единиц с их русскоязычными эквивалентами:

- Ко чека, тај и дочека - Кто ждет, тот дождется;
- Пожури полако - Поспешай медленно;
- Ко полако иде, брже стигне - Тише едешь, дальше будешь;
- Ко журио, врат сломио - Поспесишь, людей насмешишь;
- Други дан, друга нафака - Новый день, новая пища;
- И то ће проћи - Все пройдет;
- Полако, али сигурно - Медленно, но верно;
- Све у своје вријеме - Всему свое время;
- Паметан полако иде, а брже дође - Тихо не лихо, а смирнее прибыльнее;
- Ко се брзо жени, полако се каје - Женился на скорую руку, да на долгую

муку.

Данная систематизация помогла выделить следующие компоненты менталитета сербов, входящие в концепт размеренной жизни:

- 1) важность терпения в жизни;
- 2) предпочтение природного ритма жизни;
- 3) качество всегда важнее быстроты выполнения дела;
- 4) излишняя спешка приносит неприятности.

Так, данный анализ дает более глубокое представление о ценностях сербов. Язык становится инструментом постижения культуры и помогает приблизиться к пониманию культуры изучаемого языка. Устойчивые языковые единицы отражают дух и историческое развитие народа. Именно поэтому в сербском языке встречается множество пословиц и поговорок, которые неразрывно связаны с различными культурными особенностями, в том числе и с философией неспешной жизни.

Список литературы:

1. Пьешич Миня. Сербске, бойснийские и хорватские пословицы и поговорки и их русские аналоги / М. Пьешич - Санкт-Петербург: КАРО, 2025. - 208 с.
 2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация // Вестник культурологии. 2002. №2.
 3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. - 3-е издание. - М.: Изд-во МГУ, 2008. - 352 с.
-

Корниясов Алексей

Государственный академический университет

гуманитарных наук

korniasovaleksey9@gmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.13

**Российская «мягкая сила» в Республике Сербской
в условиях геополитических перемен (2014 – 2025 гг.).**

Современная международная политика сильно усложняется. Взаимодействия между акторами геополитических отношений приобретают различные формы, которые становятся объектами для большого числа исследований.

В XXI веке одним из основных терминов мировой политики является «мягкая сила» - концепция непрямого гуманитарного влияния, разработанная в начале 1990-х годов американским политологом Джозефом Наем (1937 – 2025 гг.).

Концепция «мягкой силы» является важным и актуальным элементом в современной внешней политике России. Его роль еще более усилилась после 2014 года, когда геополитические отношения Москвы и стран Запада ухудшились и вошли в период серьёзного противоборства.

Одним из региональных направлений применения «мягкой силы» для России является Балканский полуостров. В конце XX века геополитический ландшафт Балкан существенно изменился. Россия принимала участие в этих изменениях и поскольку они актуальны в XXI веке, для Москвы важно сохранять своё присутствие в регионе.

Важнейшим элементом постигших Балканы изменений в XXI веке является Босния и Герцеговина, её сложное разделение на две части: собственно Федерацию БиГ и Республику Сербскую. Целью данного исследования является выявление основных элементов современной «мягкой силы» России по отношению к Республике Сербской в 2014 – 2025 гг.

Основные организации российской «мягкой силы» были образованы в течение 2005 – 2010 гг.: телеканал Russia Today – 2005 г. [1]; фонд «Русский мир» - 2007 [2] ; Россотрудничество – 2008 [3]; Фонд Горчакова – 2010 [4].

Россия через основные организации задействовала весь спектр гуманитарного влияния. Можно выделить два направления его реализации:

1. Формирование в Республике Сербской представления о России как о дружественной, исторически важной и культурно богатой стране
2. Формирование позитивного отношения к внешней политике России в Республике Сербской. Это касается восприятия как общего геополитического курса Москвы, так и курса по отношению непосредственно к Бания-Луке.

Так как в рамках Россотрудничества основную роль выполняет Русский Дом в Белграде, можно сделать вывод, что Россия путем применения «мягкой силы» через Россотрудничество стремится к сохранению устойчивой связи

между двумя субъектами того, что можно было бы назвать «Сербским миром» на Балканах, - между Бая-Лукой и Белградом. Сюда же относится информационное сопровождение со стороны RT позиции России по Дейтонским соглашениям. Телеканал фактически транслирует нарратив, что Дейтонские соглашения – это не только гарантия стабильности на Балканах, но и яркое отражение тенденций к многополярному миру, поскольку эти соглашения в целом являются подтверждением и юридическим гарантом субъектности Республики Сербской, её возможности быть одним из независимых региональных центров силы.

В поле деятельности Фонда Горчакова наблюдается стремление к охватыванию широкого круга балканских проблем и непосредственно проблем Республики Сербской и к донесению позиции России по данным проблемам.

Российская «мягкая сила» в Республике Сербской имеет широкий спектр применения в условиях значительной части пророссийских настроений в обществе, но есть определённые недостатки в виде низкой интенсивности деятельности и ставки на мощный пророссийский общественный фундамент, которая со временем может потерять актуальность.

Для Москвы перспективы развития политики гуманитарного влияния в этнотете достаточно высоки при решении указанных выше проблем, вроде наращивания присутствия основных гуманитарных организаций России.

Список литературы:

1. О канале // RT на русском – URL: <https://russian.rt.com/about> (дата обращения: 29.06.2026)
2. О фонде // Фонд «Русский мир» – URL: <https://ruskiymir.ru/fund/> (дата обращения: 29.06.2026)
3. О Россотрудничестве / Россотрудничество – URL: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (дата обращения: 29.06.2026)
4. Миссия и задачи / Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова – URL: <https://gorchakovfund.ru/portal/page/4c40a0df-e8c8-48d3-983f-a979f42188d1> (дата обращения: 29.06.2026)

Кочеткова Анна

*Факультет иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова*

an.ko.research@proton.me

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.14

Реабилитируя визуальное: отношения текст—изображение и punctum в сербском сюрреализме 1930-х в контексте генеративного ИИ

Когда в рамках одной коммуникативной единицы текст написан человеком, а иллюстрация к нему сгенерирована ИИ, изображение начинает мыслиться как лишь «дополнение» к тексту и теряет самооценку. Продукты работы генеративного ИИ можно охарактеризовать как симулякры

[Cunningham, 2024; Konzack, 2025; Malinov, 2025] — копии, не отсылающие к какому-либо оригиналу и составляющие часть гиперреальности, наполненной информацией, однако испытывающей недостаток смыслов [Бодрийяр, 2015]. Таким образом, в рамках настоящего исследования описанная ситуация рассматривается как кризис смыслов. Одна из стратегий его преодоления — критическое осмысление вкладываемых в визуальное (и не только творчество) значений.

Для этой цели исследование обращается к традиции прошлого, а точнее — к альманаху *Nemoguće / L'impossible* (Белград, 1930) и напечатанным там пяти фотографиям Николы Вучо, одного из важнейших участников сюрреалистического движения [Djurić, Šuvaković, 2003: 279]. В качестве инструментов анализа используются концепции *studium* (фактическое содержание фотографии) и *punctum* (то, что позволяет зрителю установить личный контакт с изображением) Ролана Барта [Барт, 2011]. Результаты представлены в Табл. 1. *Studium* в основном репрезентирован повседневными объектами. *Punctum* же достигается за счет неопределенности, невозможности моментально определить сюжет. Читатель альманаха не только вчитывается в текст, но и вглядывается в изображение. Более того, на трёх из пяти рассмотренных страниц фотография занимает примерно столько же места, сколько и текст; это мультимедийная структура. Авангард характеризуется не применением новых технологий, а творческой, критической работой по созданию иных культурных парадигм [Mitrović, 2026: 551].

Таким образом, в традиции сербского сюрреализма текст и изображение имеют равные права; глубина фотографии достигается за счёт приемов, способствующих индивидуальной интерпретации увиденного зрителем. Этот опыт отношения к изображению может быть использован сейчас, когда применение генеративного ИИ меняет смыслы, вкладываемые в творческую деятельность.

Список литературы:

1. Барт Р. *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011
2. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015
3. Cunningham J., *Simulacra on steroids: AI art and the Baudrillardian hyperreal* // *Issues in Information Systems*, 2024. Volume 25, Issue 2. P. 1-8
4. Djurić D., Šuvaković M. *Impossible histories: historical avant-gardes, neo-avant-gardes, and post-avant-gardes in Yugoslavia, 1918–1991*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003
5. Konzack L., *Generative AI, Simulacra, and the Transformation of Media Production* // *Athens Journal of Mass Media and Communications*, 2025. Volume 11, Issue 3. P. 177-196
6. Malinov S., *Artificial Intelligence as a Simulacra of Meaning* // *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2025. №4. P. 154-173

7. Mitrović V. Roots of multimedia in visual experimentation of belgrade surrealists // knowledge-International Journal, 2026. Volume 75, Issue 5. P. 547-551.

Таблица 1.

Фото-графия					
Страница	97	111	122	132	135
Studium	Группа людей за стеклом	Игрушечный поезд, динамика, движение	Кирпичная стена	Улица: здания, дорога, тротуар	Фигура человека по пояс
Punctum	Размытость неопределенность лиц и силуэтов; взгляд камеры «исподтишка»	Тени, размытость заднего плана; контраст объекта и поверхности, на которой он находится	Шаткость структуры; неопределенность стены в пространстве	Контраст тени и света; наложение архитектурных элементов; отсутствие людей	Невозможность разглядеть лицо фигуры; накладывающиеся тени; неопределенность фона

Михайлов Александр

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

mikhaylov_a_m@my.mgimo.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.15

**Литературно-научное общество «Матица хорватская»
как руководитель протестного движения «Хорватская весна»**

Главной целью данной работы является анализ роли литературно-научного общества «Матица хорватская» в рамках протестного движения «Хорватская весна» 1968-1971 гг.

Организация «Матица хорватская» (до 1874 г. – «Матица илирская») была основана в 1842 г. в Загребе и была прямым продуктом иллиризма - движения, направленного на подъем хорватской культуры и борьбы с германофикацией хорватских регионов Австрийской Империи. После создания Югославии организация продолжила свою деятельность. Ее задачей стало сохранение культурного наследия хорватского народа, в то же время первоначально по политическим вопросам «Матица» занимала нейтральную позицию.

Вместе с тем, к концу 1960-ых формируются зачатки националистического хорватского дискурса. В 1967 г. публикуется «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», в котором затрагивался вопрос полного разделения хорватского и сербского языков. Ее подписали крупные хорватские литературные деятели и, в частности, сама «Матица хорватская».

Тем не менее, на начальном этапе «Хорватской весны» ведущую роль занимал триумvirат лидеров Союза коммунистов Хорватии (СКХ) Перо Пиркера, Савки Дабчевич-Кучар и Мико Трипало. В тот момент требования расширить автономию Хорватии носила отпечаток политики «расширения самоуправления» Иосифа Броза Тито, что привело к первоначальному одобрению требований с его стороны [Rusinow, 1977].

Однако, уже в 1970-1971 гг. «Матица хорватская» начала непосредственно включаться в формирование повестки «Хорватской Весны». В 1971 г. под ее руководством создается журнал «Hrvatski tjednik» («Хорватский еженедельник»), который становится рупором националистической хорватской линии [Irvine, 2007. 164]. На страницах журнала активно защищали необходимость фактической независимости страны. Тогда же «Матица хорватская» открыла набор новых участников, включив в свои ряды представителей студентов, интеллигенции и функционеров партии. Найдя поддержку во всех слоях хорватского общества, «Матица хорватская» фактически смогла подменить собой власть в республике [Руднева, 2014. 551]. В сложившейся ситуации решения триумvirата саботировались, а протест значительно радикализировался.

Пиком протеста стали студенческие протесты в ноябре 1971 г. Руководство «Матицы хорватской» восприняло сложившийся момент в качестве исторического шанса обрести независимость и вывела на улицы тысячи студентов [Rusinow, 1977. 306]. Одновременно с этим, в регионах компактного проживания сербов начались столкновения с хорватами [Irvine, 2007. 166-167].

Реакция Тито была резкой: он ввел в республике военное положение и силой подавил «Хорватскую Весну». Лидеры «Матицы хорватской» подверглись арестам, а сама организация вплоть до 1990 г. была запрещена.

«Матица хорватская» фактически сформировала хорватский националистический дискурс, возродившийся в 1990-ых после обретения Хорватией независимости. Тем самым, можно говорить о далеко идущих последствиях той роли, которую она заняла в рамках «Хорватской Весны».

Список литературы:

1. Руднева И.В. Оппозиционное движение в Хорватии в конце 1960-х – начале 1970-х гг. // Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х – 80-е гг. XX в. С. 578-595

2. Irvine, J. The Croatian Spring and the Dissolution of Yugoslavia // State Collapse in South-Eastern Europe. — West Lafayette: Purdue University Press, 2007. 149-178 p.
3. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika. Zagreb, Telegram, 1967, broj 359. P. 1.
4. Kursar, T. Prijeporni pluralizam 1971. // Politička misao: časopis za politologiju, 2006. № 4. P. 143-155.
5. Rusinow, D.I. The Yugoslav Experiment 1948–1974. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1977. P. 410

Мишчаненко Дмитрий

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

22dima06@gmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.16

Италијанско-словеначки односи 1991–1995.

Процес стицања независности Словеније одвијао се на позадини слабљења југословенског центра и раста међуетничких противречности. Крајем 1980-их година у републици јача демократски покрет: 1990. године одржани су први слободни избори на којима побеђује опозициони блок ДЕМОС, а 23. децембра исте године на референдуму се 88% грађана изјашњава за излазак из састава Југославије [Старикова, 2015: 221-222]. Дана 25. јуна 1991. проглашава се независност, што доводи до кратког Десетодневног рата са Југословенском народном армијом, који се завршава победом Словеније.

Првобитна реакција Италије била је изразито негативна. Рим је дуго заступао очување јединствене Југославије, видећи у њој стратешки мост ка источноевропским тржиштима и плашећи се хаоса на својим источним границама. Министар спољних послова Ђани Де Микелис је од 1989. до 1991. године називао распад федерације штетним за Европу. [Romano, 2002: 242-243]. Главни разлог страха било је евентуално преиспитивање Озимског споразума из 1975. године, који је учврстио границу и гарантовао права мањина – управо је он служио као основа италијанско-југословенских односа [Зонова, 2016: 254-255].

Међутим, у Риму није постојало јединство. Док су влада и парламент чекали, председник Франческо Косига сматрао је распад Југославије неповратним [Testoni, 2000: 264-266]. Дана 3. новембра 1991. он једнострано прелази границу у Новој Горици, неформално признајући независност Словеније, и полаже венац жртвама фојбе као гест помирења. То је убрзало званично признање: 15. јануара 1992. Италија признаје Словенију, а у јулу исте године стране потврђују важност Озимског споразума.

Међутим, дијалог је паралисан унутрашњополитичком кризом у Италији. У фебруару 1992. избија скандал „Тађентополи“ – истрага „Чисте руке“ открива

корупцију, руши стари партијски систем, а на оптуженичку клупу доспевају премијер Андреоти и шеф МСП-а Де Микелис. Од 1992. до 1995. смењује се шест влада, што италијанску спољну политику лишава доследности.

Кулминација је уследила 1994. године, када Берлусконијева влада покушава да веже пријем Словеније у ЕУ за ревизију Озимског споразума и исплату компензација италијанским прогнаницима из Истре и Ријеке [Bucarelli, 2009: 139-140]. Словенија заузима чврст став: сви споразуми нису предмет ревизије. Као одговор на блокирање преговора, словеначки министар прети да ће покренути питање конфискације словеначке имовине у Италији током 1920–1940-их година. Уз подршку Немачке и Аустрије, Словенија је одбранила своју позицију, па Италија 6. марта 1995. године укида блокирање [Bucarelli, 2009: 140-141].

До краја 1995. Италија признаје сукцесију Словеније по Озимском споразуму, потписани су споразуми о економској и културној сарадњи, а заједнички рад историчара (1993–2000) на истраживању трагедија фојбе допринео је помирењу. Кратак, али буран период поставио је темеље за партнерство двеју земаља у оквиру јединствене Европе, што остаје актуелно и данас.

Список литературы:

1. Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016.
2. Старикова Н.Н. Словенские писатели и «бархатная революция» // Славянский альманах, 2015г. №1-2. С. 215-224.
3. Bucarelli M. La Slovenia nella politica italiana di fine Novecento: dalla disgregazione jugoslava all'integrazione euro-atlantica // Italia e Slovenia fra passato, presente e futuro. Roma, 2009, pp. 103-149.
4. Testoni P. Francesco Cossiga. La Passione e La Politica. Milano, 2000.
5. Montanelli I., Cervi M. L'Italia di Berlusconi: 1993–1995. Milano, 1995.
6. Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano, 2002.

Нугамедзянов Артём

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

lux_scientiae@mail.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.17

Афера «Михайляну» от 1900 г. и политическото ѝ значение

Като резултат на Берлинския договор от 1878 г., завършил руско-турската война, българските земи, т. е. земите, където компактно живеят българи, са разделени на три части – Княжество България, васално на Османската империя, автономна провинция Източна Румелия и земите, не се сдобили с никаква автономия в Османската империя, каквито са Македония и Одринска Тракия.

Границите, определени от Берлинския договор, не задоволяват нито една балканска държава.

Македония става арена на най-остро противопоставяне между балканските държави. За македонски земи претендират България, Сърбия и Гърция, докато Румъния се стреми към политическо и културно влияние в региона. България, като притежава различни инструменти за влияние, има най-трайни позиции в Македония. Тези инструменти са Българската екзархия, българските училища и гимназии, търговските агентства, които играят ролята на консулства, и т. н.

Румънската политика в Македония през 1880-те – 1890-те гг. се свежда до подкрепа на местни активисти, ориентирани към консолидация на арумъните (власите), които са етнически близки до румънците, популяризиране на румънския език и румънската идентичност сред тях [Барболов, 1992: 207-225]. Румъния не се стреми към присъединяване на македонските земи, тъй като няма граница с тях, но използва местното арумънско население като една от карти при провеждане на балканската си политика [Минов, 2013: 409-410].

Важен фактор на политическия живот в османска Македония, както и още един инструмент на българската политика, е македоно-одринското движение, което се стреми да постигне политическа автономия на Македония [Пандев, 1979: 101-105]. Движението е представено предимно от Вътрешната македоно-одринска революционна организация (ВМОРО) и Върховния македоно-одрински комитет (ВМОК), създадени през 1893 г. и 1895 г. съответно.

Специално място заема структура на дружества, изградена от Върховния комитет в Румъния и насочена към подкрепа на македоно-одринското движение [Елдъров, 2003: 204-206]. Върховният комитет се стреми не само да придобие политическо влияние в Румъния, но и да събира пари за революционни нужди. В периода, когато председател на ВМОК е Борис Сарафов (1899-1901 гг.), събирането на пари често става със сила, нередко и с престъпни методи, като е придружено от терор срещу политически противници [Материали... Кн. 5, 1927: 53].

През февруари 1900 г. в Букурещ от агенти на ВМОК е убит Кирил Фитовски – активист на македоно-одринското движение, по-рано вербуван от Върховния комитет, но след това обвинен в шпионаж в полза на Османската империя [Материали... Кн. 8, 1927: 102-103]. Това събитие засилва критики към ВМОК в Румъния. Изтъкнатият румънски лингвист, публицист, специалист по Балканите Стефан Михайляну открито се противопоставя на Върховния комитет.

Михайляну, като етнически арумънец от Македония, е един от най-видните защитници на интересите на арумъните в този регион. Той издава вестник «Пенинсула Балканика», където публикува различни материали по балканска тематика, включително и проучвания по арумънски език. Във

вестника си Михайляну критикува Върховния комитет за политически терор, разгърнат в Румъния [Documente..., 2020: 224].

Ръководството на ВМОК заедно с ръководството на ВМОРО отговарят с решение за убийство на Михайляну. Изпълнител на убийството е българският активист Стоян Димитров, предложил на Сарафов услугите си за елиминиране на Михайляну. На 22 юли 1900 г. Михайляну е застрелян от Димитров в Букурещ. Според руския пратеник в Букурещ Н. А. Фонтон, след убийството румънската полиция арестува десетки българи, свързани с ВМОК, и разпитва убиеца. Той отговаря, че действал по нареждане на ВМОК в интерес на българския народ [Documente..., 2020: 224].

Убийството на Михайляну предизвиква нарастване на антибългарски настроения в румънското общество. По данните на Фонтон, хиляди хора идват да се сбогуват с Михайляну, след което те се събират на антибългарски митинги. Румънските вестници са пълни с материали, насочени срещу българите и българо-македонските комитети. Най-радикалните издатели призовават румънското правителство да обяви война на България [Documente..., 2020: 228].

Още в първите дни след убийството румънският дипломатически агент в София праща нота до българското правителство с искане да се вземат мерки срещу ВМОК, както и да се направи компенсация за убийството на Михайляну и насилственото събиране на пари от населението от агенти на ВМОК [Cain, 2012: 157-161]. Както отбелязва руският пратеник, румънското общество е настроено радикално, докато правителството се стреми да запази по-въздържан тон [Documente..., 2020: 227-228].

Докато българското правителство всъщност игнорира искането да окаже влияние върху Върховния комитет и да започне разследване на делото, дискурсът на румънското правителство се радикализира. Изострянето на отношенията е придружено от преместване на войски към границата. Възниква реална заплаха от военен конфликт между България и Румъния [Documente..., 2020: 228-232].

С нарастване на недоволството от Сарафов и изостряне на фракционната борба във Върховния комитет противници на Сарафов все по-често му инкриминират политически убийства, сред които убийството на Михайляну е най-скандално [Княжество..., 2002: 264-271]. Ръководството на ВМОРО, дало съгласие за убийството на Михайляну, се стреми да се дистанцира от тази афера, и след известно време също се присъединява към обвиненията срещу Сарафов [Материали... Кн. 8, 1927: 104-109].

Изтъкнатият деец на движението Димитър Ризов публикува брошура, посветена на аферата «Михайляну», където характеризира убийството като «глупаво и по никакъв начин неоправдано» [Ризов, 1900: 11]. Обаче критиката на Ризов е насочена предимно към румънското правителство, румънските обществени дейци и румънската «жълта преса». Румъно-българският конфликт

Ризов счита за изкуствено провокиран и не придава голямо значение на убийството [Ризов, 1900: 11-12].

Аферата «Михайляну» изостря политиката на румънското правителство спрямо българите в Северна Добруджа. Тази политика е насочена предимно срещу българските училища. Изтъкнатият български деец Иван Строгов (Димитров), работил в Тулча, обвинява румънското правителство в затваряне на български училища и характеризира убийството като «отдавна очаквания сгоден случай» за това [Димитров, 1902: 98].

Румъния активно действа на дипломатически фронт. В първите седмици след убийството румънското правителство се обръща към Османската империя, Русия и Австро-Унгария с цел да се окаже влияние върху България. Като цяло всички тези държави подкрепват румънската позиция [Documente..., 2020: 235-239]. Румънско-османското сближение подтиква Русия и Австро-Унгария да действат по-активно и да окажат натиск върху България тя да проведе разследване и да вземе мерки против Върховния комитет [Стателова, 1994: 268-269].

Според данните на Фонтон, по това време се разпространяват слухове, че Върховният комитет подготвял заговор срещу румънския крал. Под натиска на великите сили българското правителство започва разследване, но се отказва да предаде поданиците си, обвинени от румънската страна в съучастие в убийството [Documente..., 2020: 240-241]. Като резултат от преговорите се сключват австро-румънската военна конвенция от 1900 г. и руско-българската военна конвенция от 1902 г. [Стателова, 1994: 272-273].

Под натиска на Русия и Австро-Унгария българското правителство взима мерки срещу Върховния комитет и особено срещу Сарафов. През март 1901 г. той е арестуван по обвинение в организация на убийствата на Фитовски и Михайляну, поради това слага пълномощия на председател на ВМОК и напуска длъжността си [Материали... Кн. 5, 1927: 62]. Като резултат от Осмия и Деветия македоно-одрински конгрес през април-септември 1901 г. поетът Стоян Михайловски и запасният генерал Иван Цончев идват на власт във ВМОК [Силянов, 1933: 153-155].

Българското правителство се стреми да постави Върховния комитет под контрола си, като да доведе на власт доверени хора. Цончев като противник на Сарафов е смятан за подходяща кандидатура, но след като идва на власт във ВМОК, той започва ускорена подготовка за въоръжено въстание в Македония и Одринска Тракия, и Михайловски напълно го подкрепва по този въпрос [Княжество..., 2002: 277-282]. Колкото до Сарафов, той е освободен няколко месеца след ареста и по това време става член на ВМОРО [Материали... Кн. 5, 1927: 65-66].

Аферата «Михайляну» представлява интересен епизод в балканската история, когато убийство на един човек, не притежавал сериозно влияние, довежда до сериозни международни последствия. Остра реакция на румънското общество и правителство довежда до ситуация, когато

дипломатическа криза в българо-румънските отношения се урежда при посредничеството на великите сили. Българското правителство за пръв път взема сериозни мерки против македоно-одринското движение в България, което след това продължава дейността си, като всъщност не променя политическия си курс и не губи политическата си сила.

Список литературы:

1. Барболов Г. Румъния и Македонският въпрос (1885-1900 г.) // Известия. Т. 53. София: Национален център по военна история, 1992. С. 204-233.
2. Димитров И. Преживяно. Първи речи. 1900-1902. Кюстендил: Печатница "Изгрев", 1902. 104 с.
3. Елдъров С. Върховният македоно-одрински комитет и Македоно-одринската организация в България (1895-1903). София: Иврай, 2003. 342 с.
4. Княжество България и македонският въпрос. Протоколи от конгресите на Върховния Македоно-одрински комитет, 1895-1905 г. / Съст. Ц. В. Билярски. София: Иврай, 2002. 399 с.
5. Материали за историята на македонското освободително движение. Кн. Спомени на Дамян Груев, Борис Сарафов и Иван Гарванов. София: Печатница П. Глушков, 1927. 136 с.
6. Материали за историята на македонското освободително движение. Кн. Спомени на Гьорчо Петров. София: Печатница П. Глушков, 1927. 208 с.
7. Минов Н. Влашкото прашане и романската пропаганда во Македонија (1860-1903). Скопје: Арс Либрис, 2013. 481 с.
8. Пандев К. Национално-освободителното движение в Македония и Одринско. 1878-1903. София: Наука и изкуство, 1979. 345 с.
9. Ризов Д. Ромъно-българския конфликт. София: Печатница на Г. А. Ножаров, 1900. 35 с.
10. Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското въстание. София: Издание на Илинденската Организация, 1933. 454 с.
11. Стателова Е., Попов Р., Танкова В. История на българската дипломация, 1879-1913 г. София: Фонд. "Отворено общество", 1994. 503 с.
12. Cain D. Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900. București: Ed. Acad. Române, 2012. 232 p.
13. Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki. Seria a 3-a. Vol. 4. Rapoarte diplomatice ruse din România (1899–1905). Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1899-1905) / Edit.: Flavius Solomon et al. București; Brăila: Ed. Acad. Române, 2020. 635 с.

Пакулов Виталий

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

VVPakulov@yandex.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.18

**Јеванђеље кратки апракос српске редакције из друге половине
XIV века (РНБ, Ф.п.I.108). Глаголски облици прошлих времена.**

Истраживање је посвећено опису глаголских облика прошлих времена у тексту Јеванђеља кратког апракоса српске редакције из друге половине XIV века (РНБ, Ф.п.I.108). Ово је први рад на овом рукопису: није граматички истраживан, а штавише, није ни објављен.

Апракос јесте врста Јеванђеља, у којој је текст заступљен у календарном реду према богослужбеном уставу и састоји од зачала – одломака који се читају у одређене дане црквене године. Та читања се почињу од Васкрса. Кратки апракос, за разлику од пуног апракоса, садржи читања не за сваки дан, већ само за празнике, суботе и недеље (осим Страсне седмице и доба од Васкрса до Педесетнице, где су заступљена читања за сваки дан) [Алексеев, 1999; Жуковская, 1976; Темчин, 1998].

Укупно има око 50 словенских кратких апракоса написаних на пергаменту. Најстарији од њих су написани у XI веку [Жуковская, 1976: 253–263].

Традиционално се сматра да је кратки апракос био прва књига коју су Ђирило и Методије превели са грчког на старословенски језик [Жуковская, 1976; Темчин, 1997].

Рукопис који истражујем је Јеванђеље кратки апракос, текст није потпуно сачуван, изгубљени су почетак и крај, има губитака унутру рукописа. Друга половина XIV века. 178 листова. Пергамент. Устав. 19–20 редова на страни. Рукопис се чува у Руској националној библиотеци у Санкт-Петербургу, где је стигао 1895. године као део колекције П. Сафарова [Левшина, 2021: 91].

Први 25 листова рукописа су јако покварени, текст готово није сачуван, и зато нису били истражени. Сачувани део рукописа се почиње од читања у суботу 13. седмице читања из Јеванђеља од Матеја, затим иду читања из Јеванђеља од Марка, читања у Велики пост, Страсна Јеванђеља, Јеванђеља недељна јутрашња и Месецеслов који се прекида на 2. фебруара.

Рукопис припада мешовитом рашко-ресавском правопису. Ортографија је скоро начисто ресавска, већ палеографија – из старије традиције.

Особине ресавске ортографије су следеће: једнојеров правопис (у овом рукопису нема дебелог јера већ има само танког јера); прелаз ж > у; прелаз ѡ > е; прелаз ы > и (недоследно); л-епентетикум; сугласници ч, ж, ш, ц, шт, жд постану тврди; прелаз дз > з [Савић, 2019: 245; Христова, 1991].

Српска књижевна традиција XIV века се карактерише сталном сарадњом српских и бугарских књижевника, међусобним утицајем двеју књижевних традиција на нивоу ортографије, фонетике и граматике [Турилов, 2015].

Словенски темпорални систем принципијелно раздваја две врсте наратије: наратија у самом смислу и директан говор. Две ове врсте карактеришу два различита скупа глаголских облика. У наратији у самом смислу у прошлом времену у овом рукопису су заступљени три типа облика: аорист, имперфекат и плусквамперфекат; само 3. лице (једнина, двојина и множина). У директном говору – 4 типа облика: аорист, имперфекат, перфекат и плусквамперфекат; 1. лице (једнина и множина), 2. лице (једнина и множина) и 3. лице (једнина, двојина и множина).

Најчешће су у овом рукопису заступљени облици аориста: има више од 2000 потврда аориста. Заступљени су три типа аориста: асигматски, стари сигматски и нови сигматски. Асигматски (прости) аорист је заступљен само у облицима 2. и 3. лица једнине. Стари сигматски аорист је заступљен само код глагола са основом инфинитива на самогласник и у једног глагола са основом на сугласник – **реци**. У 3. лицу једнине су заступљени посебни облици старог сигматског аориста са флексијама од садашњег времена (такозвани Т-аорист): у рукопису има око 140 потврда Т-аориста. Код глагола **реци** облици старог сигматског аориста доминирају. Код других глагола са основом инфинитива на сугласник облици старог сигматског аориста нису заступљени. Нови сигматски аорист је једини тип аориста код глагола са основом инфинитива на сугласник (осим облика 2. и 3. лица једнине).

У рукопису има око 380 потврда имперфекта. Однос између скраћених и нескраћених облика имперфекта у 3. лицу множине је 1 према 9: нескраћених облика има само 16, већ скраћених – 145. У облицима 3. лица двојине флексије имперфекта су замењене флексијама аориста (има три потврде).

У тексту рукописа има 58 потврда перфекта. Апсолутна већина случаја су облици 2. лица једнине. 5 пута је заступљен облик 2. лица множине. Има 4 случаја употребе облика 3. лица једнине. Пронађен је један облик перфекта без помоћног глагола (2. лице једнине). Укупно, у перфекту су заступљена: 2. лице (једнина и множина) и 3. лице (једнина).

Најређе су у рукопису потврде плусквамперфекта: има их само 6. Између њих 2 случаја употребе – у директном говору: облик 3. лице једнине се понавља 2 пута. Остале 4 потврде – у наратији (3. лице једнине и множине). На тај начин, у плусквамперфекту је заступљено само 3. лице (једнина и множина).

На тај начин, најчешћи тип облика у тексту је аорист, што је одређено садржајем текста. Затим, у опадајућем редоследу учесталости, долазе имперфекат, перфекат и плусквамперфекат. Перфектни облици се користе само у директном говору. Заступљени су облици свих трију типова аориста: простог, старог сигматског (укључујући Т-аорист) и новог сигматског. Присутни су скраћени и нескраћени облици имперфекта, први тип преовладава у тексту. Анализа је показала карактеристичне морфолошке особине српске редакције црквенословенског језика XIV века, које представљају важну етапу у развоју српског глаголског система.

Список литературы:

1. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии = Textgeschichte der slavischen Bibel. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом), Славянский библейский фонд. Спб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
2. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Академия наук СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1976. 367 с.
3. Левшина Ж.Л. Рукописи сербского правописания Российской национальной библиотеки. СПб.: Российская национальная библиотека, 2021. 334 с.
4. Темчин С.Ю. История формирования славянского краткоапракосного Евангелия: попытка обобщения // Slavia. R. 66. Nr. 1. 1997. С. 21–34.
5. Темчин С.Ю. Пасхально-воскресный апракос — неизвестный структурный тип славянского служебного Евангелия // Учёные записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 4. М., 1998. С. 61–79.
6. Турилов А.А. Сербская средневековая литературно-книжная традиция в контексте православного славянского единства на Балканах // Русский взгляд на сербский язык, литературу и культуру. Научная конференция славистов в дни Вука Караджича (1971–2015). Белград, 2015. С. 345–351.
7. Савић В. Српска књижевна реч у својим првим столећима. 1. изд. Ниш: Међународни центар за православно студије; Подгорица: Матица српска – Друштво чланова у Црној Гори, 2019. 340 с.
8. Христова Б. За ресавските български ръкописи от XV–XVIII век // Старобългаристика. XV, 4. 1991. София: Българска академия на науките. С. 50–55.

Стекачев Артём

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

artem.stekachev19@yandex.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.19

Русија и југословенско питање током Првог светског рата (1914–1917): између савезничких обавеза и словенске солидарности

Проблем националног самоопредељења словенских народа Аустроугарске током Првог светског рата заузимао је једно од централних места у руској спољној политици [Југославия, 2011: 178-182]. Традиционално се сматрало да је став Петрограда на Балкану првенствено одређивала тежња да заштити православне саплеменике (пре свега Србе) и учврсти сопствени геополитички утицај у региону [Радивојевић, 2024: 98-99; Писарев, 1993: 60].

Не може се, међутим, рећи да је Краљевина Србија сасвим лишена било каквих територијалних стицања која су јој била обећана од стране савезника. Не без учешћа Русије, како истиче Трубецкој, припремљен је пројекат према којем су Србији припале територије Босне и Херцеговине и Стара Србија (територија данашњих Косова, Метохије и Санџака) [Трубецкој, 1983: 145-146]. У међувремену је одлучено да се питање Далмације привремено остави за

каснија времена, када ситуација на фронту постане јаснија. То је у великој мери противречило ујединитељским циљевима Србије, истакнутим у Нишкој декларацији, али је обезбеђивало потребну дипломатску стабилност у табору Антанте, барем за време врхунца борбених дејстава [Petranović, Zečević, 1988: 37].

На идеју југословенског јединства Петроград је гледао из другог угла, за разлику од Београда. Министар иностраних послова Руске Империје Сазонов такође је водио преговоре са представницима Југословенског одбора, Антом Мандићем и с једним од њихових вођа, Фрањом Супилом, који су били послати у Русију такође у потрази за потенцијалним савезником, бринући се управо за хрватске територије [Mandić, 1956: 136-137].

Обраћа на себе пажњу чињеница да је Супило у разговорима са чланом Државног савета Руске Империје Кривошејином, с једне стране, позивао Русе да појачају дипломатску борбу за територије аустријских Јужних Словена. С друге стране, представник Југословенског одбора видео је у Русији заштитника интереса словенства на Балкану, супротстављајући идеју словенске солидарности идеји пангерманизма, толико популарног у Централној и Источној Европи почетком XX века [Mandić, 1956: 137].

Полазећи од анализираних материјала може се закључити да су положај и улога Русије у решавању проблема националног самоопредељења југословенских народа током Првог светског рата били противречни или, у најмању руку, подређеног карактера. Декларисана заштита православних саплеменика и словенска солидарност показали су се у пракси као секундарни у односу на геополитичке интересе саме Руске Империје и логику савезничке дипломатије сила Антанте.

Супротно слици «јединог правог савезника», Русија није могла, а нити је вероватно желела да заштити кључне територијалне претензије Србије. Најјаснији показатељ је Далмација. Штавише, Петроград није могао да се супротстави том диктату савезника, јер су његове сопствене геополитичке амбиције (мореузи) зависиле од очувања јединства Антанте. Тако је положај Русије био двострук: с једне стране, то је велика сила са глобалним интересима, с друге – учесник коалиције, приморан да жртвује интересе свог балканског савезника ради заједничке ствари коалиције.

Међутим, позитивна улога Русије састојала се у томе што је она припремила пројекат предаје Србији Босне, Херцеговине и Старе Србије. То показује да би без њеног учешћа српска стицања била још мања. Кључни закључак је да Русија није постала лидер у питању потпуног националног самоопредељења Јужних Словена. Она је деловала као медијатор политичке ситуације на Балкану.

Список литературы:

1. Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.

2. Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914-1917 и война на Балканах. Монреаль, 1983.
3. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
4. Радивојевић М. Велики покровитељ и «прави савезник». Односи Србије и Русије 1913-1918. Београд, 2024.
5. Mandić A. Fragmenti za historiju uedinjenja. Zagreb, 1956.
6. Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918-1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988.

Страхов Анатолий

*Экономический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
polarbear6970@yandex.ru
DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.20*

Российско-сербское стратегическое партнерство как фактор сохранения военного нейтралитета и национальной идентичности Сербии

Для России Сербия является не только дружественным государством на основе общей культурно-исторической памяти и этнорелигиозных установок, но и стратегически важным союзником на Балканах, предоставляющим рычаг для реализации политики в Европейском направлении.

Согласно опросам, подавляющее большинство сербских граждан идейно ориентированы на Россию, причем представляемый ими ореол масштабов кооперации нередко преувеличен [Толвайшис, 2019] (балканское влияние России несмотря на глубокие культурно-исторические корни на сегодняшний день остается слабым). Отчасти, это объясняется особенностями географического положения - нахождение Сербии в плотном конце прозападно-ориентированных стран, без выхода к морю и общей территориальной границы с Россией, осложняет прямое взаимодействие.

Российско-сербские отношения строятся на взаимном уважении и учете суверенных интересов, что отражено в Декларации о стратегическом партнерстве, подписанной между странами в 2013 году. Москва не обязывает Белград к выбору определенной траектории развития, признавая его самостоятельность во внешнеполитическом самоопределении.

Другое дело обстоит в диалоге Сербии с ЕС и НАТО. Реальные последствия экономически-прагматичного плана евроинтеграции могут не оправдать ожидания Белграда. И хотя Европе выгодно открыть новый рынок сбыта продукции [Бочарова, 2023], внутреннее нежелание стран ЕС видеть Сербию в рядах союза сохраняется [Филимонова, 2020]. Однако, несомненно, руководство страны столкнется с сильным внешним давлением, предписывающим принятие независимости самопровозглашенной Республики Косово и реализацию шагов антироссийской направленности, поэтому

перспективы экономической стабильности и политической самостоятельности сомнительны.

Лавируя между обязательствами, данными Востоку и Западу, правительство Сербии избегает принятия кардинальных и однозначных решений. В результате Сербский нейтралитет представляет собой не пассивную отстраненность, а политику непрерывной минимизации рисков, причем мнимая независимость от внешних установок позиционируется как результат осознанного геополитического самоопределения.

Маятник сербского руководства пытается находить точки равновесия между евроинтеграцией и традиционными связями с Россией. Однако вне зависимости от того, что лежит в основе многонаправленности внешней политики Сербии - тонкое дипломатическое мастерство «малого» государства [Болиев, 2025] или постепенная прозападная перестройка мировоззрения правящих элит, именно мягкая позиция России дает Сербии пространство для дипломатического маневрирования без окончательного разрыва связи со своим главным союзником.

Список литературы:

1. Толвайшис Л., Сербско-российское сотрудничество как ресурс внешней политики Российской Федерации // Вестник Московского Университета, Серия 12, Политические науки, 2019, № 2. С.97-104
 2. Болиев С.О., Влияние положения малой страны и исторических травм на внешнюю политику Сербии в контексте противостояния России и Запада // Мировая политика, 2025, №2 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-polozheniya-maloy-strany-i-istoricheskikh-travm-na-vneshnyuyu-politiku-serbii-v-kontekste-protivostoyaniya-rossii-i-zapada> (дата обращения: 29.06.2026)
 3. Бочарова З.С., Нацзыкэ Б., Внешнеполитическая ориентация республики Сербия на современном этапе// Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика, 2023, №3 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-orientatsiya-respubliki-serbiya-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 29.06.2026)
 4. Филимонова А.И., Ключевые проблемы евроинтеграции Сербии на современном этапе // Горизонты гуманитарного знания, 2020, №2 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-problemy-evrointegratsii-serbii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 29.06.2026)
-

Суркова Ника

Исторический факультет

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

nikasurkova41@gmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.21

**Православна црква у Хрватско-славонској Војној Крајини током
«деклараторијалног» раздобља (1779.-1868.)**

Рад је посвећен положају Српске православне цркве у Хрватско-славонској Војној Крајини током „деклараторијалног“ раздобља, које је почело доношењем Деклараторија илирског народа 1779. и завршило се издавањем Највишег краљевског рескрипта 1868. У раду се анализирају управне, правне, социјално-привредне промене, које су се тичале црквеног устројства, парохијског система и положаја свештенства. Спроведене промене доводиле су до дискриминације православног свештенства и становништва. На пример, по Деклараторију илирског народа број православних манастира у Пакрачкој епархији је смањен, тако да је у Хрватско-славонској Војној Крајини остао један манастир Лепавина [Кашић, 1967: 80]. Што се тиче парохијског система – за постављање једног православног свештеника парохија је морала да се састоји од 150 кућа. Парохије са 150-250 кућа могле су имати два свештеника, са већим бројем кућа – три. За постављање четири свештеника била је потребна дозвола цара [Buczynski, 1997: 114], као и за изградњу цркве у селима са професионално хетерогеним становништвом [Kaser, 1997: 192].

Посебна пажња је посвећена појачању државне контроле над црквеним животом, ограничењу имовинских права свештеника и њиховој зависности од војних и грађанских власти. Наиме, православни свештеници нису могли да стичу непокретну имовину и нису имали фиксну плату, већ су живели од накнаде за службе и од сопствене натуралне производње [Основни граничарски закон из 1807, 2007: 164-166]. Католички свештеници су примали фиксну плату и земљишне поседе као њен део [Основни граничарски закон из 1807, 2007: 187, 197]. У раду се проучавају систем црквене управе и механизми именовања свештенства, захваљујући чему се може сагледати степен ширења војне власти над свештенством. Упркос већем угњетавању права православног свештенства, војна контрола није слабила ни над католичким. Упоредјујући церемонијале рукоположења православних и католичких свештеника, може се уочити једина разлика – световно лице које је вршило рукоположење током рукоположења католичког свештеника читало је не одлуку генералкоманде, као што је било током православног церемонијала, већ декрет Дворског ратног савета, тј. највише војне инстанце у Бечу [Buczynski, 1997: 109, 114-115].

Посебно се разматрају политика према унији и њене ограничене последице. Упркос томе што је у XIX. веку случајева обматујућег или насилног преласка у унију било мање него у XVII-XVIII. веку, ширење унијатства се наставило. То је било подржано, на пример, тиме што су војне

власти дозвољавале прелазак православних у унију, али су забрањивале повратак у православље [Buczynski, 1997: 126].

У раду се такође анализира развој православног образовања, његова повезаност са царевинском идеологијом и опирање локалног становништва. Тако, прве школе у Војној Граници биле су инструмент за ширење царске идеологије и одговарале су интересима Беча, а не локалног становништва, које је насупрот томе о свом трошку отварало српске школе [Березин, 1879: 340].

Закључује се да је карактер државне политике био контрадикторан, јер је она комбиновала модернизацијске мере са дискриминацијом православног становништва.

Список литературы:

1. Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. Т. 2.
2. Buczynski A. Gradovi Vojne Krajine. Zagreb: Hrvatski instinlt za povijest, 1997. Кnj. 2.
3. Основни граничарски закон из 1807 // Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918. Нови Сад: Филозофски факултет, 2007. С. 160–201.
4. Kaser K. Slobodan seljak i vojnik / Prev. J. Brkić od «Freier Bauer und Soldat». Т. 2: Povojačeno društvo (1754–1881). Zagreb: Naprijed, 1997.
5. Кашић Д. Срби и православље у Славонији и сјеверној Хрватској. Загреб: Савез удружења православног свештенства СР Хрватске, 1967.

Цветковска Ангелина

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова*

Litsvetkovska@mail.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.22

Многообразие сербского национального костюма

В данной работе рассматривается сербский народный костюм как важнейший элемент материальной культуры, отражающий историческую и культурную среду обитания народа. Исследование традиционной одежды Балканского полуострова представляет особый интерес ввиду его расположения на стыке западной и восточной цивилизаций, что предопределило уникальное культурное многообразие региона. В качестве основного объекта выступает центрально-балканский тип костюма (Шумадия, Поморавье), а также затрагиваются особенности паннонского (Воеводина), динарского и шопского типов.

Мужской национальный костюм центральной Сербии отличается многослойностью и практичностью, что связано с традиционным укладом жизни. Основу составляли длинная рубаха, шерстяная антерия с глубоким вырезом и гунь, используемый в качестве зимней верхней одежды. Особое

разнообразие демонстрировали мужские штаны (потурлие с широким шагом и пеленгире с узким) [Иванова, 2013: 56]. Важным свидетельством длительного сосуществования с Османской империей является использование пафты — металлической застёжки на поясе, а также моделей обуви турецкого типа, которые органично вписались в сербский гардероб [Терзић, 2008: 194].

Женский костюм центрально-балканского типа отличается изысканностью и богатством декоративных элементов. Его основу составляла богато вышитая рубаха, плиссированная шерстяная юбка с яркими полосами или клеткой, а также передник прегача с неповторимым цветочным орнаментом [Терзић, 2008: 182]. Женский жилет елек и длинный суконный зубун не только выполняли практическую функцию, но и служили важным средством самовыражения, их украшали вышивкой серебряными нитями, тесьмой и рельефными узорами. Резкий контраст между ярким шумадийским нарядом и костюмом Воеводины (преобладание белого цвета) наглядно демонстрирует региональное своеобразие.

Существенное значение в идентификации принадлежности человека к той или иной группе имели обувь и головные уборы. Опанцы из телячьей кожи с загнутыми кверху носами являлись повсеместно распространённой обувью, но их детали (плетеные ленты, ремешки) служили маркером региона. Головные уборы несли глубокую смысловую нагрузку. Так, женский убор смилевац с монетами и перьями павлина выполнял функцию свадебного оберега [Даутовић, 2021: 61]. Бареш обозначал статус замужней женщины, а смена турецкой фески у мужчин на шайкачу отразила процессы национально-освободительной борьбы.

Таким образом, региональные варианты сербского национального костюма подчёркивают богатство локальных традиций, социальную стратификацию и эстетические предпочтения, различные в разных местностях. В сочетании локального своеобразия и типологического единства кроется ключ к пониманию народной культуры.

Список литературы:

1. Иванова И. Е. Ориентальный боснийский городской костюм. Комментарий к роману Иво Андрича «Травницкая хроника». Посвящается 120-летию со дня рождения Иво Андрича // Языки и культуры славянских народов : сборник. – Москва : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2013. – С. 54–63.
2. Стојановић Д. Градска ношња у Србији током XIX и почетком XX века: – Београд : Музеј примењене уметности, 1980. – 211 с. : ил.
3. Терзић И. Народне ношње Срба = Serbian folk costumes / И. Терзић, С. Бугарчић. – Београд : Комарт, 2008. – 193 с. : цв. ил.
4. Народне ношње срба = Folk costumes of serbs : Folk costumes of serbs / [Ауторски тим: М. Даутовић, И. Пешукић, И. Терзић и др. ; преводиоци: В. Митровић и др.]. – Београд : Врачарт, [202-]. – 207, [1] с. : цв. ил.

Шешум Андреа

Белградский универсиџет, Филолоџический факультет

andrea281954@hotmail.com

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.23

О именицама са суфиксоидима -граф, -грам и -оном у српском језику

Предмет овога рада јесу именице са суфиксоидима -граф, -грам и -оном у српском језику. Циљ рада јесте да се испита њихово поријекло, творбена структура, семантичке особине и продуктивност у савременом српском језику, као и да се размотри њихов статус у оквиру творбе ријечи. Посебна пажња посвећена је питању да ли се наведени елементи могу сматрати суфиксима или суфиксоидима, односно везаним творбеним основама класичног поријекла које учествују у грађењу сложеница.

Суфиксоиди -граф, -грам и -оном воде поријекло из старогрчког језика и посредством латинског, а потом и других европских језика, постали су дио међународне научне и стручне терминологије. У српском језику они су заступљени првенствено у терминолошкој лексици различитих научних дисциплина, али се њихова употреба не ограничава искључиво на научни стил [Babić, 2002; Клајн, 2003]. Савремени развој науке, технике, медицине и информационих технологија условљава непрестано стварање нових појмова, што се непосредно одражава и на обогаћивање лексичког фонда српског језика новим ријечима изграђеним помоћу ових суфиксоида. Због тога су они један од показатеља отворености и динамичности савременог лексичког система.

У раду се полази од ставова лингвиста који су се бавили питањем статуса суфиксоида. Посебно су размотрена мишљења Јосипа Силића и Иве Прањковића [Silić, 2007] као и Бранке Тафре и Петре Кошутар [Tafra, 2009] које указују на сложеност разграничења између суфикса и суфиксоида. Анализа показује да елементи -граф, -грам и -оном имају сва обиљежја суфиксоида јер су етимолошки самосталне лексичке основе грчког поријекла које се у савременим језицима јављају искључиво као везани творбени елементи. Њихова улога није граматичка, већ лексичко-творбена, при чему уносе препознатљиво и релативно стабилно значење у новонастале сложенице.

Посебан дио рада посвећен је семантичкој анализи сваког од наведених суфиксоида. Показано је да -грам најчешће означава запис, снимак, графички приказ или резултат одређеног мјерења, што потврђују примјери као што су *электрокардиограм*, *онограм*, *анаграм* и *холограм*. Суфиксоид -граф означава или особу која пише, биљежи или ствара одређени запис, или уређај који региструје и биљежи неку физичку појаву, што је видљиво у лексемама *фотограф*, *калиграф*, *кореограф*, *сеизмограф* и *кардиограф*. Суфиксоид -оном јавља се у називима занимања и означава стручњака, познаваоца или научника који се бави одређеном облашћу, као у примјерима *агроном*, *астроном*, *економ* и *гастроном*. У раду се указује и на творбену повезаност суфиксоида -оном и -

ономија, при чему први означава носиоца занимања или струке, а други научну дисциплину или област знања.

Истраживање показује да се именице са овим суфиксоидима најчешће јављају у терминолошкој лексици, али да значајан број новијих лексема има обиљежја неологизама и okazaционализама. Судбина таквих ријечи није увијек иста: једне временом постају дио општег лексичког фонда и биљеже се у нормативним рјечницима, док друге остају ограничене на уску стручну употребу или нестају са престанком потребе за њиховом употребом. Управо због тога су електронски језички корпуси значајан извор за праћење развоја ових лексема, јер показују да се нови термини у употреби појављују много прије него што буду забиљежени у традиционалним лексикографским изворима.

На основу проведене анализе закључује се да су суфиксоиди *-граф*, *-грам* и *-оном* високо продуктивни творбени елементи савременог српског језика. Њихова продуктивност условљена је прије свега развојем научне и стручне терминологије, али и све већим утицајем међународне комуникације и глобализацијских процеса. Истовремено, савремена творба ријечи показује да први дио сложенице више не мора нужно бити класичног, грчког или латинског поријекла, већ се све чешће комбинује са домаћим или англицизованим основама. Такви процеси свједоче о великој прилагодљивости српског језика и његовој способности да прихвата и ствара нове терминолошке јединице. Због тога се може очекивати да ће се број именица са суфиксоидима *-граф*, *-грам* и *-оном* и у будућности повећавати, што потврђује њихову важну улогу у развоју савременог српског лексичког система и указује на потребу њиховог даљег лингвистичког проучавања.

Список литературы:

1. Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Други део суфиксација и конверзија. Нови Сад и Београд: Матица српска, Институт за српски језик САНУ, 2003.
 2. Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Nakladni zavod Globus, 2002.
 3. Silić J, Pranjković I. Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb: Školska knjiga, 2007.
 4. Tafra B., Košutar P. Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku // Suvremena lingvistika, 35. 2009, s. 87–107.
-

Шильниковская Полина

Факултет на чужди езици и регионоведение на Московския
государственный университет имени М.В. Ломоносова

shilnikovskayapolly@yandex.ru

DOI 10.31168/7576-0500-5.2026.24

**Политическата коректност като социално, културно и езиково явление:
особености на изразяване в българския език**

В нашия съвременен многонационален свят, където хора от различни култури общуват постоянно помежду си, понятието за политическа коректност придобива особено значение. Такава среда изисква проявата на „комуникативна толерантност“, то ест умението да се общува без конфликти. За целта е от критично значение думите да се избират внимателно, за да се избегнат недоразумения или обиди. Ето защо изучаването на „политическа коректност“ и прилагането на политически коректен език в речта е актуална и важна задача [Тер-Минасова, 2008: 272].

Понятието „политическа коректност“ се развива активно през последните 30 години и се превърна в обект на изследване в много дисциплини, което доведе до нееднозначен подход към неговото дефиниране. В настоящата работа ще оперираме с политическата коректност като „мрежа от взаимосвързани идеологически възгледи“ [Beckwith, Bauman, 1995: 9].

Толерантността често се изразява чрез евфемистични формулировки, под които се разбират изрази, чиято същност се състои в „непряко“, „смякаващо“ назоваване на предмет или обект [Ахманова, 2004: 521].

Следва да се отбележи, че политическата коректност е не само езикова категория, но и социокултурна. Формирането на това понятие е под прякото влияние на господстващата в обществото идеология – тоест система от възгледи и представи, която отразява общественото битие и активно формира съзнанието на хората [Современный словарь иностранных слов, 1992: 237]. Що се отнася до българския език, тук протичат следните процеси: интелектуализация и демократизация, които оказват влиянието върху различните сфери на живота [Архангельская, 2011: 116-120].

Политическата коректност в българския език е едва в начален стадий на развитието. В българския език към политически коректните езикови единици могат да се причислят определен брой евфемизми, по-голямата част от които на свой ред са чуждоезикови заемки.

Най-голям брой промени се наблюдават в областта на джендърната чувствителност, особено при феминизацията на професиите. Примери в това отношение са думи като „докторка“, „инженерка“, „посланичка“, „експертка“. Също така при обръщение към аудитория по време на официални изказвания днес се използва „Уважаеми колеги и колежки!“ вместо традиционното „Уважаеми колеги!“. Подобна информация може да бъде намерена в различни интернет ресурси, но тя не е подкрепена официално.

На следващо място трябва да се споменат промените в отношението към наименованията на етническите малцинства, по-специално към ромската общност. Етнонимът „циганин“ исторически се асоциира с множество негативни стереотипи и често се възприема като обиден. Подобно отношение към думата „циганин“ често може да се срещне в творчеството на известни български писатели като Йордан Йовков („Шибил“) и Чудомир („Сюрприз“). По този начин литературата като отражение на живота на народа показва традиционно негативно стереотипно отношение към етнонима «циганин». В рамките на политическата коректност българите използват думата „ром/роми“, която има неутрално коннотативно значение.

Следвайки международните тенденции, в българския език активно се въвежда употребата на „person-first language“ – набор от езикови средства, които акцентират върху това какво притежава човекът, а не какъв е той, като се използват описателни конструкции вместо дехуманизиращи етикети [Blashka, 1993: 25-32]. Този подход се използва преди всичко при описанието на хора с увреждания. Думата „инвалид“ все повече се възприема в българското общество като остаряла и обидна, тъй като подчертава недъга, а не насочва вниманието към личността. Днес политически коректната формулировка е „човек с увреждания/хора с увреждания“. Също така думите „глухоням“ и „сляп“ се считат за политически некоректни, поради което широко се използват техни замени като „човек с увреден слух“ и „човек с нарушено зрение“.

В заключение, политическата коректност в момента е динамичен феномен, който намира отражение в много езици по света, подвластни на съвременните тенденции на либерализация. Промяната в езиковия код, която е резултат от употребата на политически коректен език, показва процесите, случващи се в обществото. Поради това отношението към политическата коректност е различно: някои я разглеждат като положителна промяна, а други – като ограничаване на свободата си и опит за прикриване на истината.

Подобно нееднозначно възприемане на политическата коректност има и в България. Тук можем да посочим като пример промените в термините за определена на едно значимо събитие в българската история – 5 вековната власт на Турция над България. То е определяно като „турско робство“ както в литературните произведения, така и в учебните материали. Иван Вазов от своя страна налага една по-мека форма – „игото“ (световно прочутия му роман «Под Игото»). Днес пък най-употребяван и «политически коректен» е терминът „османско владичество“. Смята се, че следствие от подобно политически коректно отношение към този тежък период в историята на България е фактът, че днес в българските учебници по история за 10 клас за този период се отделят не повече от 7 реда – нещо, което Атанас Семов подчертава в интервюто си пред българската телевизия.

Нееднозначното отношение към феномена на политическата коректност само подчертава необходимостта от неговото по-нататъшно проучване.

Список литературы:

1. Архангельская А. Сексизм в языке: мифы и реальность. Olomouc : Univ. Palackého v Olomouci, 2011. С.116-120.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 521.
3. Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С.237.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пос. – 3-е издание. - М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 270-292.
5. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С.26-109.
6. Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural standards / Ed. by F.J. Beckwith and M.E. Bauman. Buffalo, 1995. P.9.
7. Blashka J. The Power of language: Speak and Write using "Person first" In Perspectives on Disability. Palo Alto, CA: Health markets Research, 1993. P. 25-32.